

811.167.1
с 42.

Николай СЛЕПЦОВ

СТИХИ

Поэтические раздумья

Библиотеке пос. Огавьере от автора
этой книги в дар за любовь читателей
к книге и писателям к писателю.

Слепцов

Николай СЛЕПЦОВ

25.11.2018

Поэтические раздумья

Караганда, 2018

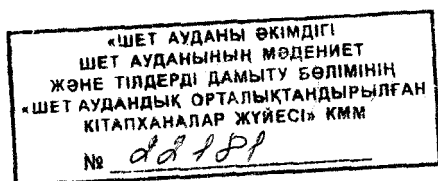
Николай Андреевич СЛЕПЦОВ:
ПОЭТИЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ
Подготовлено к печати:
ТОО «Издательский дом «Классик»,
отпечатано: ТОО«Арко». Караганда, 2018, 160 стр.

ЧАСТЬ 1

На есенинской

волне

Агадырский писатель Николай Слепцов не скрывает своей любви к творчеству классиков русской литературы, в особенности к творчеству Сергея Есенина. В произведениях великого поэта он подчас черпает свое вдохновение, чему и посвящена первая часть этой книги. Тем не менее, у автора есть и собственные, сугубо личные наблюдения и мысли, которыми он щедро делится с читателем в стихотворной форме.

ЧТО-ТО О СЕБЕ

«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель», -
Так Есенин как-то говорил.
Ну, а я - неназванный писатель,
Какого еще Бог не сотворил.

Ну, пишу я что-то, бывает, кувыркаюсь
В своей прошлой жизни и в душе других,
Над строчками о них нередко замыкаюсь,
Над строчками, однако, мне близких и родных.

Мне помнится аул, в каком я жил, родился,
Когда еще на землю не грянула война,
Когда отец со мною и с котом возился,
У меня к ним тяга сильная была.

Отец ласкал меня, я ласкал котенка,
Какой крутился возле и даже грел меня,
Он лез под рубаху малого ребенка —
Такая была дружная у отца семья.

Что было у Есенина в последующих словах?
Он говорил, что многих женщин целовал,
Он не знал пред женщиной, что такое страх,
И продолжал говорить любовные слова.

я же в его возрасте с котом лишь целовался
И, что любовь бывает, понятия не имел,
О вехах жизни многих тупым я оставался,
Учиться ж уму-разуму просто не умел.

В целом меня жизнь по-своему учила,
Что-то забирала, а то и в плен брала,
Еде-то прибавляла творческие силы,
А главное, меня на «Классик» навела.

Нынче же я «Классику», как Христу, молюсь,
Как-никак, а все же меня кто-то знает,
А в целом неизвестным я был и остаюсь,
Поскольку мир великий меня не читает.

Ну, а что читать, коль «Классик» издает
Всего каких-то двадцать лихих экземпляров?
А все как автор сам такой заказ дает,
Не прибавив к ним ни единой пары.

А к чему известность в нынешний наш век?
Нынче человека не ценят по труду,
Нынче ценен денежный бывалый человек,
Такие нынче по миру и у нас идут.

Нынче, говорят, читательство не в моде,
Нынче в моде Интернет, его мир лихой,
Нынче не прочтешь вещей о своем народе,
Который строит жизнь в век свой неплохой.

Нынче о стахановцах и слушать не хотят,
Хоть ты рогом в землю и в небо упирайся,
Коль ты вознесешься ввысь - тебя живьем съедят,
Так что неизвестным и серым оставайся.

Меня в поселке знают всего шесть человек,
Таких же заскорузлых горбатых дедуганов,
Ко мне так застучался творческий мой век,
От него я истинно в творческом дурмане.

А ночами лунными вовсе я не сплю,
Женка меня на диван со злобой провожает.
Подумал: завтра в магазине букетик ей куплю,
Какой в ней силы дьявола возьмет и поубавит.

Так вот жизнь моя потихоньку катится:
Я пишу, а «Классик» издает меня,
Только вот читатель на меня не ластится,
Ему по деревне, кто есть на свете я.

Ему бари-бери, что я есть писатель,
К тому же я еще Есениным живу,
Для агадырцев я простой бумагомаратель,
Простой Мазай-оглы, Хоттабыч наяву.

Мазай-оглы лишь может с зайцами возиться,
К чему ему Есенин и его стихи?
Он может в свою лодку и в зайчат влюбиться,
А стихи - кто не живет без разной чепухи.

Известно, дед Мазай с зайцами воюет,
Он такой же старый, как и мировой Хоттаб,
Он себя к Хоттабычу нисколько не ревнует,
У старости по-своему он братан и раб.

6-7 февраля 2018 г.

ПОЭТИЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ

Наверно, я Есениным родился
Или жизнь лажу под него,
Как ни есть, я на него молился,
Может быть, из всех на одного.

Вот усек: «У нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси -
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси».

Ну, не знаю, как ему жилось
В двадцать пятом сталинском году,
Когда в полях не виделись колосья,
Народ революционный был в бреду.

А поэт, вкусивший революцию,
Свою Русь как родину любил,
Любил ее простую Конституцию,
Поскольку верным сыном ее был.

Он любил Рязанский край старинный,
Где шептались вербы и березы,
Где не раз под окрик журавлиный
Брали зависть, грусть, а то и слезы.

Шел и я есенинской тропой,
Той тропы сегодня в жизни нет,
Сегодня остаюсь я сам собою -
Все-таки я маленький поэт.

Мне дороги в округе сопки, горы,
Степное разнотравье, ковыли,
А в поселке - низкие заборы,
Они, видать, мне мысли принесли.

Как бы моя жизнь ни катилась,
Я, как Есенин, не хочу пропеть,
Я хочу, чтоб жизнь моя светилась,
Безвестным не хочу я умереть.

Ну, а где меня последний час застанет,
Для меня пусть будет как в кино,
Где актеры с жизнью играют,
Им жизнь и смерть без разницы, одно.

Я скопытиться хочу в своем поселке,
В моем тихом и глухом Агадыре,
По мне судачить не станут люди громко -
Я был не в почете в их глухой дыре.

Мои книги агадырцы не читают,
Они в библиотеке на виду лежат,
К ним не прикасаются и даже не листают,
Поскольку своим временем больше дорожат.

Мысли же приносят и люди агадырские,
Каких я безраздельно как их земляк люблю,
Они мне и по жизни, и по мыслям близкие,
Я их каждый шаг жизненный ловлю.

Шестьдесят годков живу я с агадырцами,
Их мечтами и их судьбой живу,
Душой же остаюсь со всеми молодцами,
Какие полнят хаты и свою семью.

Они детвору каждый год рожают,
Их здоровье, честь с мечтами берегут,
Сыновей, как водится, на службу провожают
И по-матерински их со службы ждут.

Перед агадырцами я низко преклоняюсь,
С ними моя жизнь и моя судьба,
Ради них, наверно, и стихом я занимаюсь,
А стихи - то подвиг, надежда и борьба.

Стихи мои - то милые книжонки,
Какие жизнь мою по-своему продляют,
Они как-то славят даже мою женку,
А она мне здоровья и новых книг желает.

Не знаю, что пошлет мне текущая Собака,
Прежние так выдали мне аж двенадцать книг,
Я не стал задирой или забиякой,
Но как поэт я что-то в своих стихах достиг.

На Собачий нынешний я не полагаюсь,
Потому как стукнет мне восемьдесят два,
В эти годы я уж точно растеряюсь,
Во мне как есть погаснут творчества слова.

Коль сие случится - с поэзией покончу
И вообще с писательством навечно завяжу,
А коли что прорежется - жизнь не испорчу,
Значит, я по-прежнему поэзии служу.

До Собачьих дней я с книгами общался,
Есенин так и вовсе на подвиги толкал,
Я хорошо писал и в «Классик» обращался,
Который мне дорогу в читальный мир давал.

Как год Собачий мной в миру распорядится?
По сути, я знать-ведать об этом не хочу,
Я рад, что и сегодня стих ко мне стучится,
За что ему бессонницей под луной плачу.

Как будет год Собаки с моей судьбой общаться
И нужен ли ему какой-то дед Мазай?
А мне бы так хотелось поэтом оставаться
И говорить Слепцову: «Дорогой, дерзай!

Ты же десять лет свое перо мутузил,
Романы и поэмы без усталы писал,
Есенина и Пушкина без конца волтузил
И был у поэзии затурканный вассал.

Знаю, ты ночами с луною просыпаешься
И тетрадь отпетую тащишь на постель,
Ты с этою тетрадкою и сегодня знаешься,
Тебе общаться с нею и во сне не лень.

Чем она богата, лишь тебе известно,
Только ее данные «Классик» выдает,
Что-то в них знакомо, что-то интересно,
Автор и по жизни, и по себе идет.

Тебя же в Казахстане белый свет не знает,
Тебя не знает даже агадырский свет,
Но творчество твое весь век твой занимает,
За что сказать ты можешь, что ты живой поэт».

Как бы свет ни двигался, а я писать не брошу,
О том не раз себе я и людям говорил,
Пусть меня засыпят безвылазной порошей,
Я стихи чужие и свои любил.

Из чужих я более с Есениным общаюсь,
Свои ж, бывает, хочется в помойку опустить,
На стихи Есенина и нынче опираюсь,
Ими я стараюсь и писать, и жить.

А куда деваться, коль гласно иль негласно
Есенин меня давит стихами и собой?
Я с рязанским парнем и с собой согласен -
Стихи, видать, даны мне жизнью и судьбой.

Как бы нынче время потоком ни бежало,
Творчество в поэтах не скиснет, не завянет,
Может быть, кого-то поэты раздражают,
Только свет их творчества все равно сияет.

О поэтах разных в «Просторе» я читаю,
Все они достойны Олимпа и не ниже,
Только вот меня-оглы белый свет не знает,
Не знает край далекий и даже тот, что ближе.

А знать поэта можно из его лишь книг,
Которые читатель сам и выбирает
Без указаний сверху и живых интриг,
Он, бывает, сердцем их и душой читает.

Делаю то самое я с Пушкиным, Есениным,
Вот если б агадырцы умудрялись то делать и со мной,
Но, видно, им такое временем не велено,
Хотя мой стих и нынче истинно земной.

Я не пытаюсь ластиться с каким-то Интернетом,
Я в нем не разбираюсь, поскольку я старик,
Я остаюсь собою, где-то и поэтом,
Я к судьбе поэтов, к их стихам привык.

Давайте, дорогие, на том и распрощаемся
И давайте помнить поэтов-мудрецов,
Может быть, когда-нибудь мы с вами повстречаемся,
Вас встретит снова ваш поэт Николай Слепцов.

Ну, тот, который вас любил сердцем и душой,
Который своему читателю, как небу, поклонялся
И всегда желал ему жить только хорошо,
И прославлять в стихах его божеству поклонялся.

Мне и нынче хочется с Есениным столкнуться,
Только мне ведь стукнула восьмерка с кривизной,
Мне хочется в его стихи и в душу окунуться
И после даже удивить страну какой-то новизной.

Утром проштудировал свои ночные бдения:
Что-то померещилось, что-то и нашлось,
Однако не бывать мне ни творцом, ни гением,
Поскольку без меня стране творилось и жилось.

Не донимал я «Классик» своим стихоплетством,
Издательское братство собой не донимал,
Другие предо мною имели превосходство,
Потому их «Классик» в себе и издавал.

В редакционных комнатах и меня читали,
Делали подборку, ставили на вид,
Что-то сокращали, что-то убирали,
Чтоб читатель понял, что автор говорит.

А говорил я больше, когда и где родился,
Кто были по профессии мой отец и мать,
В год войны отец с детьми и с мамой распростился
И ушел, как многие, с фашистом воевать.

Конечно, ведал я, что матушка осталась
С тремя несмышлеными ее ребятишками,
Как бы трудно ни было, а она старалась,
Чтобы ее детки занимались книжками.

Вот так и занимались и ходили в школу,
Ели, как и многие, что карточки давали,
Одевались кое-как, но не ходили голые,
А на День Победы так песни распевали.

Только батя мой с Победой не вернулся,
Он где-то в Сталинграде голову сложил,
Может, я тогда и ото сна проснулся
И понял: батя праведно Родине служил.

А потом в сорок седьмом карточки убрали,
Стало как-то легче в этом мире жить,
Тут же даже денежки в Союзе применяли,
Отчего народ страны не стал по ним тужить.

Не забыл напомнить я, что приезжали дяди
И всю нашу семейку увезли в Жалтырь,
Где в школе я учился ни впереди, ни сзади,
Среднячком крутился поперек и вширь.

А потом, как помнится, целина настала,
Которой я два года хрущевских посвятил,
Только жизнь меня по-своему верстала -
Я в железнодорожную учбу поступил.

По учебке этой пошло распределение,
Какое меня кинуло в какой-то Агадырь,
В каком депо «железное» ждало пополнения,
Какое его двинет и вперед, и вширь.

А после, как известно, годы молодые
Увлекли работой и холостым житьем,
Мы по работе были стахановцы крутые,
Жизнь брали катаньем и живым мытьем.

Жили мы и строили хрущевский коммунизм,
Какой нам обещали через двадцать лет,
А в вузе изучал я стихи и ленинизм,
Какие должен знать любой живой поэт.

Вуз себе наметил я чисто журналистский,
В него в шестидесятом я успешно поступил,
КазГУ алма-атинский для меня неблизкий,
Но шесть лет учебки ему я посвятил.

Отучился хорошо - журналист с дипломом,
На деле же пятнадцать лет я слесарем пахал,
Завладел и женкой, и даже своим домом,
И только за стихами я и отдыхал.

Пробовал я мерить по Толстому прозу,
Что-то получалось, а по большинству и нет,
Меня влекли лишь степи, отары и березы,
Посколь во мне таится все-таки поэт.

Себе так посоветовал: поэтом оставайся,
Упирайся рогом в творческие дни,
С прозой не дружи, с романами не знайся,
Не тормози в поэзии, на ней и сникерсни!

Вот так и объедаюсь я вкусными вещами,
Ем «Баунти», «Солиту», «Сникерс» наконец,
И разбавляю разными супами да борщами,
И даже говорю себе: ты, денди, молодец!

А нынче так наметил черкнуть киносценарий.
Как, скажем, «Иван Бровкин», «Стряпуха» иль «Чапай»,
Но по кино тупица я - сие без комментариев,
А потому другие сферы, друг, в житии копай.

Вот как раз я этим нынче занимаюсь,
Как-то кувыркаюсь с собою и с родней,
С оставшимися друзьями и сегодня знаюсь.
Они и теперь готовы быть одной семьей.

Друзей же у меня нынче кот наплакал,
Поскольку по девятому десятку я иду,
По друзьям усопшим я, как мальчонка, плакал,
Потому как верил - таких я не найду.

Не найду я Дудича и Павла Крашановского,
С какими я большую жизнь в Агадыре прожил,
В двенадцатом так потерял Ивана Веселовского,
Он меня поддерживал, моей жизнью жил.

Нынче век наш новый крепко изменился,
Он не тот, что был в мои восемнадцать лет,
Тогда любой бесплатно учился и лечился,
Нынче то утрачено, того нынче нет.

Сегодня за лечение и в вузах обучение
Денежку хорошую от сердца оторви,
Страна у нас пытается сделать облегчение,
Но сил в ней маловато, как и в ее крови.

На деле же поэтом и нынче остаюсь я,
Хотя между стихами и роман пишу,
В романе есть герои Владимир и Маруся,
Которые, как Ленин, привыкли к шалашу.

А дальше я позволил им в эту жизнь влюбиться
И создать свою красивую семью...
Знания КазГУшные мне могут пригодиться,
И я создам теорию писательства свою.

Дожить бы мне до лет актера Померанцева,
Я б свою «Войну и мир» успел бы написать,
К тому бы я не числился поэтом-самозванцем
И жизнь, какая есть, сумею показать.

Пытаюсь я и нынче Казахстан прославить -
Все-таки то родина любимая моя,
Не пытаюсь я, как некие, ее навек оставить,
Здесь я стал поэтом, здесь моя семья.

Здесь меня учили, кормили, одевали,
Давали мне работу и все, что я хочу,
За трудовые подвиги крепко воздавали,
От них, как мне казалось, я в небо улечу.

Депо так мне путевки разные давало:
Сочи, Ялта, Зеренда, Ленинград, Москва...
Тянул о деповчанах очерки, как тянут одеяло,
Так что об агадырцах всюду шла молва.

В «Гудке» московском я не раз с очерком проскакивал,
Тискала и областная «Индустриальная Караганда»,
К тому же я на книгу материал накапливал,
Что давалось нелегко, к тому ж и не всегда.

Так вот и бежали трудовые годы,
А тут как раз и «дембель» с годами подоспел,
Как тружение и слесарь я был своей породы
И целых восемь книжек написать успел.

Правда, издавался я в двадцать экземпляров,
Для себя и для друзей и для всей родни,
Экземпляр читаем свой мы с женкой только парой,
Где женка часто просит: «Милый, не гони!»

«Дембельское» время для меня раздолье,
Женка заставляет, говорит: «Пиши!
Пиши об агадырцах и о нашей доле
И поменьше вешай на уши лапши».

Таковы вот у меня в творчестве раздумья,
Не ведаю, как долго они прослужат мне,
О будущих писаниях я еще не думал,
Но так известным хочется быть в своей стране...

13-14 февраля 2018 г.

Есенинские мотивы

КОРОВА

Не знаю, как другие, а этого поэта
Я в свою восьмерку все-таки люблю,
Не ведаю, какие у него секреты,
Только я особые для себя ловлю.

Сегодня так поймал я Есенина «Корову»
С годовыми свитками на крутых рогах,
Я помню и свою в военный год суровый,
Перед какой и нынче я остаюсь в долгах.

А все как она нашу всю семью кормила,
Карточки военные то сделать не могли,
Всю нашу малышню «мoneй» всех поила,
Может, потому мы и здоровыми росли.

Отец ушел на фронт, а нас осталось трое,
Трое ребятишек и их родная мать,
Мы не были в ауле какие-то герои,
Корова помогала нам как-то выживать.

Всю войну она нам молоко давала,
А ребятишки были пяти-шести годков,
В семье частенько даже хлеба не хватало,
Всю пищу заменяло коровье молоко.

Оно и помогало нам как-то прокормиться,
Продержаться всю войну и весь победный год,
Вот за то корове той готов я поклониться,
Память о ней у меня и теперь живет.

Когда война закончилась и мы семьей задумали
Из своего аула в Акмолинск уезжать,
Как быть с коровенкой, лучше не придумали,
Как ее в общественное стадо передать.

Пастухи совхозные на роги хлыст накиннули
И коровку нашу с собою увели,
А мы после этого в путь-дорожку двинули,
Чтоб познать житуху акмолинской земли.

После нам друзьяки в письмах сообщали,
Что коровка наша здоровою живет,
Дважды уж телилась, телята подрастали,
Коровка и по-прежнему молочко дает...

Семь десятков лет с той поры минуло,
Память о корове той и теперь живет,
Оттого и, может, памятью подуло.
Что без молока домашнего тоскует мой живот.

15 февраля 2018 г.

ПИСЬМО СЕСТРЕ

Признаться, нынче мир налег на телефон,
Он такого подвига вовсе не стыдится,
Телефон у каждого теперь со всех сторон,
Этим наше время может погордиться.

Вот вчера сестренка мне взяла да позвонила:
«Ну, как ты, брат-братишка, в своем краю живешь?
Не дают ли тебя старческие силы
И так ли ты по-прежнему свой дневник ведешь?»

Женка мне твоя вчера об этом говорила,
Что ты со стихами часто не в ладу,
На тебя так давят есенинские сил ы,
Но они по-своему близ тебя идут.

Они тебя проходят - ты в другой эпохе,
Есенина эпоха была сто лет назад,
Ты его эпоху понимаешь плохо,
Хотя стихам Есенина ты и сегодня рад».

Да, сестра, и правда я люблю Есенина,
Уж не знаю точно, зачем и почему,
Может, это жизнью и природой велено,
Только я и нынче кланяюсь ему.

Может быть, за то, что он был крестьянин,
Что у отца, как водится, было много дел,
Что он все же выходец из родной Рязани,
О какой он часто строки свои пел.

Помнится поэту звонкий праздник мая,
Когда цвела черемуха, а с нею и сирень,
Когда свою тальянку он крепко обнимая
Шел туда, где весело, где начинался день.

А там под тальянку шли братишки в пляску,
Как-никак, а праздник душу согревал...
Я с душой читаю эту чудо-сказку,
Все, что писал Есенин, душой я принимал.

Говорил Есенин, что друзей так мало,
А так хотелось бы себя в руки их отдать,
В прошлые годочки всякое бывало,
Ради друзей тальянку он мог рвать и рвать.

Мне помнятся, сестра, и наши с тобой дни,
Когда мы батьку нашего на битву провожали,
Годы битвы на войне даром не прошли,
Батьку они нашего все-таки забрали.

Похоронка речила, что батька был солдат
Очень боевой и очень даже смелый,
Он любой победе как своей был рад,
Рад был своему снайперскому делу.

Ну, а дальше мы с тобой в первый класс ходили.
День Победы встретили и занялись собой,
С матушкой мы в Жалтыре жили - не тужили
И даже были рады своей такой судьбой.

А потом мы как-то работали, учились,
Схоронили маму и жили кто как мог,
А после у тебя, сестра, детка появилась,
И дорог стал тебе твой родной порог.

Был то родной порог, но в чувашской дали,
В столице Чебоксары, что за красоту -
Не город, а мечта! - достоин всех медалей,
В котором каждый встретит уют и теплоту.

А потом, сестренка, ты потеряла мужа
И вот уже двадцать лет живешь совсем одна,
По жизни, говоришь ты, тебе никто не нужен,
Посколь нас обложила с тобою седина.

С одиночеством, по-твоему, можно примириться,
Но нынче перебралась ты в родную Астану,
Теперь я за твою судьбу, сестра, хотел бы помолиться
И сделать то же самое просил бы и страну.

Однако одинокой ты все же не считаешься,
С тобою постоянно твой родной сынок,
Ты с ним ежедневно у себя встречаешься,
Перебраться в Астану ведь он тебе помог!

Ну, а вместе вам вдвоем легче встретить старость,
Какая, говоришь ты, совсем не за горами,
Старость, по твоим словам, далеко не радость,
Она ведь правит жизнью, она же правит нами.

Сыну твоему, сестра, стукнула пятерка
С таким же завороченным и крутым прицепом,
Топают по жизни он астанинской меркой,
На жизнь смотрит зорко, а не кустарно-слепо.

Я рад, сестра, что ты у нас нынче не одна,
У тебя под боком сын и твои два брата,
Жизнь твоя сегодня, друг, всей чашею полна,
А это значит, что, сестра, ты как бог богата.

Как я говорил уже, у тебя сынок,
А у сына есть свои собственные дети,
Они к тебе приходят в старческий твой лог
И, как-никак, приносят бабушке приветы.

А у бабушки всегда есть чудо-угощения,
Есть йогурт и блины, вареники, пельмени,
Бабушка старается дать внукам просвещение,
Чтоб по жизни шли они, как новый век, без лени.

А нынче в мире наступил новый год Собаки,
А это год движения, а то и беготни,
Конечно, я, сестра, в быту поэт, а не оракул,
Но у тебя предвижу я счастливейшие дни.

Сын твой купит в Астане трехкомнатку для дочки,
А сам переселится в ее лихую «двушку»,
На том желании твой сын и поставит точку -
Это значит, он поймал свою мечту в ловушку.

Ты как-то говорила, что я поэт лихой,
Таких, как я, в родном роду сроду не бывало,
Хороший я поэт в миру или, как тень, сухой,
Твое чутье пока еще об этом не сказало.

Судить самой не хочется - не тех она кровей,
Она специализировалась на тихой бухгалтерии,
Хотелось бы послушать мысль чужих людей,
И она познала бы братову мистерию.

Однако ты заметила, что я почти Есенин,
Что-то хоть украдкою, но из него беру,
Пишу в восьмидесятник свой без старческой я лени,
Пишу ночами длинными, а то и поутру.

Что ж, сестра, хотел бы я писательский свой нос
Сунуть в жизнь нашу и в жизнь всей страны,
Что-то уже вертится, что-то ввысь вознес,
Мои все начинания жизнью полны.

Как бы жизнь, сестренка, наша ни катилась,
Елавное, мы вместе, мы в одном полете,
Жить мы по Рокфеллеру сроду не стремились,
Все его деяния нам как чудо снились,
Но чудеса сбываются на том и этом свете...

16-17 февраля 2018 г.

ПЕРВОЕ МАЯ

Есенин так заметил: он видел праздник мая,
Всюду шло гулянье, и он был поражен,
Что у него по-своему кровь его играет,
И он готов был обнимать красивых дев и жен.

Что ни говорите, а праздник повсеместно
В моем поселке каждого в новизну одел,
Все выглядели празднично, по-своему прелестно,
У всех было немало своих забот и дел.

Что ни говорите, а май по праву дарит
Отдохновение людям и дарит рюмку тоже,
Дома так хозяйки вкусности все ладят,
Себе и детям ладят праздничное ложе.

А Есенин поднимал бокал за здоровье правительства,
За здоровье дорогих ему рабочих и крестьян,
За радио во всех домах и за электричество
И чтоб не уподобиться житухе обезьян.

Да и нынче мы, друзья, встречаем праздник мая,
Но массовости прежней, как бывало, нет,
Нынче мы по-своему Первомай встречаем,
Это я усек давно как друг ваш и поэт.

Не радуют нас нынче наши достижения,
Нет плакатов прежних и лозунгов тех нет,
Не чувствуем мы к празднику былого уважения,
Я это повторяю как друг ваш и поэт.

Наверно, жизнь по-своему с нами поступает,
Поклоняться старому мы просто не хотим,

Может, жизнь нами по-своему играет,
И мы ей отдаем себя и наш живой интим.

Мне помнятся былые годы Первомая,
Хрущевское поветрие и брежневский тот век,
Такое мы сегодня и близко не встречаем,
А все как перестроился сегодня человек.

ВЕСНА

Для чего, не ведаю, Есенин поднатужился
И у себя в России «Капитал» прочел,
Не питал он к Марксу своих симпатий дружеских
И его дорогою по земле не шел.

А вот все же вычитал он в том же «Капитале»,
Что у поэтов на земле есть свой земной закон:
Он живет с поэзией, как с царицей-красавицей,
И каждый ее планами и жизнью возбужден.

А что не возбуждаться, коль весна играет?
И синица даже села на плетень,
А это значит, новое время наступает,
Это значит, постучал к нам весенний новый день.

У него по жизни есть, есть свой круг вращения,
Какой в себе вращает и чью-нибудь судьбу,
Вращение находит и жизни отражение -
Любовь, измену, ненависть, дружбу и борьбу.

Кто-то, как Рокфеллер, просто богатеет,
Благодарит судьбу и наступивший день,
Который по-весеннему его сердце греет,
И под его окошком расцвела сирень.

Распустил листы свои и клен зазеленелый,
Под каким, бывали дни, я не бывал «сухой»,
Был я, как Есенин, и гармонист, и смелый,
К тому же и поэт еще вроде неплохой.

Когда распускалась у окна черемуха,
С нею расцветала и белая сирень,
А на огороде кто-то поливал подсолнухи
И рад был, что врывался весенний теплый день.

Весна! Весна - душа моя, с весной я молодею,
К тому же и стихами как поэт живу,
Свой восьмидесятник я стихами грею,
Не мыслями какими-то, а враз и наяву.

Весна, как есть, заставит скинуть свою шапку
И прихорошиться, будто на парад,
Всю зимнюю одежду захватить в охапку,
Весне и дням весенним нынче каждый рад.

Рады даже девушки у подворья каждого,
Какие воду черпали ведерком своим,
Им хотелось встретить молодца отважного
И весенним вечером прогуляться с ним.

Прогуляться вечером с небом и луною,
С милым кавалером, какой влюблен весну...
Вспоминаю, было такое и со мною,
Весна как раз и выбрала мне мою жену.

С женкой моею мы и сегодня вместе,
Вместе уже целых шесть десятков лет,
Как раз в апрель весенний она была невестой,
Я же стал ей мужем, а для себя поэт.

Как раз я просыпаюсь вместе с петухами
И что-то задушевное, весеннее пишу,
Радую весенний день новыми стихами,
Какие я прочесть друзей и белый свет прошу.

И они стихи мои какие-то читают,
Я их тоже, черт возьми, много раз читал,
Я в своих стихах, друзья, в облаках летаю,
Не зная, о чем ведает Маркса «Капитал».

Но я все ж, друзья мои, в нем как-то разобрался,
Он сказал, что у поэтов есть свой лихой закон:
В какую бы судьбу поэт и в жизни ни бросался,
Всегда с людьми и с небом будет только он.

У поэтов, говорят, особая натура,
Они не могут без любви и без дружбы жить,
Им нужно движение, им нужна культура,
Они ими могут всю жизнь дорожить.

А о весне, друзья мои, сколько песен спето!
О ней писал и Пушкин, и Лермонтов писал,
О ней писали наши известные поэты,
И что-то даже близкое к песне я кромсал.

Но в песенном собрании я, друзья, тупой,
Хотя я баянист и песни уважаю,
Но ничего я сделать не могу с собой,
Когда стихи для песен я просто отражаю.

Песенником, говорят, надо лишь родиться,
Тогда и подчинятся песни о весне,
Хотел бы я у жизни такому научиться,
Но, видно, это счастье вовсе не по мне.

18 февраля 2018 г.

МАТЕРИНСКИЕ ПОМИНОВЕНИЯ

Прочел я у Есенина стих о его матери,
Он был просто счастлив, что она была,
Она стол накрывала своей особой скатертью,
Поскольку в этом мире для сына и жила.

Конечно, ей хотелось бы и сноху иметь,
А в придачу целую команду милых внуков,
Она тогда б не знала, как в миру болеть,
Они бы стали для нее живительной порукой.

Однако ей не нравилось, что сын ее поэт,
Что он всегда общается с компанией плохую,
Тогда как ничего у нас в России нет,
Как ходить по полю с распашной сохой.

Конечно, мать ругала сына и за то,
Что он по кабакам и кафешкам шляется,
Преградить дорогу к ним не пытается никто,
Потому с друзьями он там вечно появляется.

Говорила еще мать ему: «Сынок, ты изменился,
Ведь был покладист ты всегда, жизнь принимал без лени,
Городок наш небольшой, но он тобой гордился
И даже рад, что есть у них свой Сергей Есенин.

Конечно, любишь ты стихи, как мать я это знаю.
Но за стихи, как водится, деньги не даются,
Потому, мой дорогой, в свой дом я приглашаю,
Ну, а в доме денежки сами закуются.

Коллективно вы с отцом новый клин распашете
И засеете овсом и пшеничным хлебом,
И, как надо жить в миру, городу покажете,
Счастлив станет даже тот, кто никогда им не был».

Говорила еще мать, что мы живем во тьме,
Что у них нет лошади, а это беднота,
А при твоих бы данных, сын, и при твоём уме
Жизнь должна бы быть у нас совсем не та, не та...

Говорила еще мать, что ей бы жить да жить,
Ей сына своего счастливым видеть хочется,
Хочется, чтоб сын ее стал старость сторожить,
Какая по России с ней по земле волочится.

Конечно, у Есенина был матери ответ:
«Живи ты, дорогая, как можешь, на веку,
А я, как знаешь ты, все-таки поэт,
Меня мои стихи, как и к тебе, влекнут.

Конечно, мать, я все же скучаю по тебе
И ведаю, что годы для тебя не радость,
Но, видно, так начертано в есенинской судьбе:
Мне не дано беречь твою любовь и старость.

Я знаю, мать, у вас в краю крепкая зима,
И над вами бесят снежные заносы,
Ты с ними как-то борешься по-своему, сама
И у калитки делаешь зыбкие откосы.

Я в них почему-то вижу могильные холмы,
Не знаю, почему мне видится такое,
Слава Богу, грешную топчем землю мы
И на ней не ищем для себя покоя.

Я не представляю, мать, тебя в твоём гробу
И не представляю, мать, как тебя хоронят,
Жизнь подписала нам особую судьбу -
Смерти дом есенинский как-то да обходят.

Так что, мать, желаю я тебе долго жить
И все-таки дожидаться и снохи, и внуков,
А по мне не надо горестно тужить,
Стихи мне не дадут помереть от скуки.

У нас сейчас весна, она права качает
И заставляет братья поэта за перо,
Не сказать, что жизнь у него мельчает,
Быть приживалкой в жизни ему не дано.

Писать стихи, конечно, у нас каждый может,
Могу писать и я есенинской строкой,
Мне Москва любимая и СССР поможет,
И я беречь не стану свой писательский покой».

Вот такие вычитал я строки у Есенина,
Наверняка их надобно мне тиснуть на учет,
Может, это для меня самой судьбой велено,
Только вряд ли кто-то этот стих прочтет.

Ну, а если кто-то смельчаком окажется
И этот стих тихонько как-то почитает,
Надо мной, поверю я, он не покуражится -
Он поэта душу просто понимает.

Читательскую душу я тоже понимаю
И верю, что читатель - это наш судья,
Достойное поэта он сердцем принимает,
Хочу, чтоб в среде принятых стих мой был и я.

Агадырского писаку белый свет не знает,
Не знает о нём даже сама Караганда,
Он своего Есенина в золоте купает,
Хотя промчались многие и многие года.

Хотел бы я тоже к маме обратиться,
Но её уж сорок лет как на свете нет,
Она меня учила на семью молиться,
И я это понял как сын и как поэт.

И правда бы хотелось доложиться маме,
Только то возможно нынче лишь во сне,
Нынче проживаю я по другой программе,
Какая даже по сердцу и моей жене.

У Есенина мамаша стихи не принимала,
Моя женка тоже их не принимает,
Каждая моя книга ей мало что давала,
А то и вовсе как-то тихо раздевала.

Не ведаю, как жили Есенин и Твардовский,
Как кормили их собственные книги,
Как проживал без денег тот же Исаковский,
Я от своих книг вижу только фигу.

Это моя женка мне так говорит,
Мне ж от её стенаний просто бари-бери,
Надо мной же нынче не каплет, не горит,
Я рад, что мне в издательстве открывают двери.

Я рад, что агадырца «Классик» издает
И дарит ему право быть в кругу поэтов,
Конечно, агадырец по Казахстану не идет,
Поскольку его книг в Казахстане нету.

На двадцати поштучных по-своему гадаю,
Я раздаю родне их и своим друзьям,
Все равно себя я поэтом называю,
Но не зачисляю в какие-то князья.

Ах, какой я князь, когда я бывший слесарь,
Я «железке» и депо сорок лет служил,
Сорок лет я простачком ничего не весил,
И только лишь на «дембеле» я первый стих сложил.

На «дембеле» стихи меня достают ночами,
Я им подчиняюсь, стихами я дышу,
Стихи меня на лаврах пока не качали,
Может, потому что я выдаю «лапшу»?

А издательство так говорит, что «лапша» читаема,
Оно ее приветствует и даже как-то читит,
Оно даже уверено: «лапша» почитаема,
Когда в душе поэта Пушкиным горит.

Когда в душе поэта Есенин затеплится,
А лучше, когда Лермонтов свой пожар зажжет,
Тогда у всех поэтов добрый стих родится,
И он народу славу и имя принесет.

Принес же эту славу Олжас Сулейменов,
Мне бы, агадырцу, удариться в него,
Только моя тупость не даст такой замены,
Поскольку я достоин только одного.

Быть родне известным и друзьям в поселке,
Каких набирается пятерка или шесть,
Они меня читают дома втихомолку,
Поскольку я на старости выдохся как есть.

Конечно, я не Пушкин и не Сергей Есенин,
И я не в команде каких-то мудрецов,
Я, друзья, с любовью к вам, без тени и без лени,
Непризнанный поэт ваш Николай Слепцов.

20 февраля 2018 г.

ПИСЬМО ЖЕНЩИНЕ

Вот были времена, когда люди писали
Послания друг другу и в шутку, и всерьез,
Никто не говорил, что письма их кусали
И даже загоняли в чувствительный невроз.

Есенину пришлось с таким письмом столкнуться.
Он его любимой женщине писал,
Мечтал он в ее жизнь как-то окунуться,
Быть ее попутчиком, быть ее вассалом.

А женщина тогда при их тогдашней встрече
Есенину сказала: «Нам надо разойтись,
Поскольку тебе дорог полупьяный вечер
И вообще кабацкая разгульная их жизнь».

Поэт в то время женщине по-своему сказал:
«Вы меня, по-моему, просто не любили,
А все как посещал я кабацкий дух и зал,
Какие меня истинно и мою жизнь губили.

Конечно, вы не ведали, что я в сплошном дыму,
Что я уподобился загнанной лошадке,
Я времени готов платить любую свет-сумму,
Лишь бы любовь наша была в своем порядке.

Конечно бы, хотелось увидеть вас такой,
Какой вы были при, при первой нашей встрече,
Тогда я кабаков не знал и был, как жизнь, живой,
И кабак мне жизнь мою еще не покалечил.

А потом, любимая, я переродился,
Я мельчал в поступках и в своей гульбе,
Однако я ни разу в другую не влюбился,
Простите, был я верен вашей лишь судьбе.

А жизнь, как известно, делает свое,
Вы все-таки, любимая, жизнь с другим связали,
У вас с ним, как известно, особое житье,
Вы нашли замену мне, нашли, что вы искали.

На деле же, любимая, я понять не мог
Ни нашего влечения, ни наших отношений,
Я не знал, где истинный мой жизненный порог
И не ждал от жизни каких-то подношений.

Но вот жизнь вас ко мне, в мою судьбу послала,
И я, конечно, начал по вам сходить с ума,
Но, видно, та ж судьба мной тогда играла
И от меня вас истинно взяла и увела.

А чувства мои к вам, друг мой, вовсе не остыли,
Я готов их к вашему сердцу положить,
Как бы мы, любимая, по жизни врозь ни жили,
Я не перестану вас преданно любить.

Что ж, хочу, любимая, с мужем вас поздравить,
Делаю я это от души, без лени,
Конечно, я в отчаянии, но хочу оставить,
Я остаюсь вам верный, любивший вас Есенин».

21 февраля 2018 г.

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Я вновь есенинские книги тереблю,
В каких он Русь любимую, Россию прославляет,
Я вообще Есенина люблю -
Он к стихам любого поэта направляет.

Конечно, и я тоже за стихи берусь
И что-то поэтическое в них соображаю,
Конечно, я не славлю есенинскую Русь,
Но все стихи о ней просто обожаю.

Ну как не повторить есенинскую грусть,
Когда он говорит о мировом расколе?
Стих я этот нынче прошарил наизусть
И даже заскучал о старом комсомоле.

А как тут не скучать, когда прошли года?
Когда мне было только за пятнадцать лет,
Я тогда лишь в мыслях строил города
И не знал, что из меня вырастет поэт.

А Есенин все же по старине скучал,
Он был питомцем старой ленинской победы,
Он давно не видел и даже не встречал
Тех, кого прославили отцы наши и деды.

Конечно, они все же родились в России,
И они собою Октябрь совершили,
Они время новое опорой стать просили
И начать жизнь по-новому, не так, как прежде жили.

Конечно, молодежи за ними не угнаться,
Старики так делали себя и революцию,

Им в России новой хотелось бы остаться
И увидеть новую в России Конституцию.

Есенин признается: он человек не новый,
Он новую Россию принял всей душой,
Он видит цвет России боевой, здоровый,
И звезда России светит хорошо.

Как бы жизнь России за старость ни цеплялась,
Поэт одной ногою остается в ней,
Она для него приветною осталась,
Он по ней скучает сильнее и сильней.

Однако власть советская миру не мешает,
В ней есть намерения по-новой делать жизнь,
Она в жизнь вторгается по-большевистски смело
И, наверно, строить будет коммунизм.

А пока бы надо попросить у власти
Ситца и сатина и нужных нам гвоздей,
Какие нынче по стране встречаются нечасто,
Не встретишь их в столице и вообще нигде.

Ладно, хоть у нас есть картошка с хлебом,
А они уж точно голод отвратят,
В есенинском времени я даже сказкой не был,
Но стихи Есенина мне жизнь свою дарят.

Нет, Сергей Есенин, Русь твоя великая
Из мира человечьего не стала уходящей,
Как ее ни жалили и как ее ни кликали,
Она живет Россией, Россией настоящей.

Мы мир СССРовский как родину любили,
Во главе его всегда была Россия наша,

Враги на СССР свои ножи точили,
Ротовые смешать нас с грязью и с парашей.

Попробовал то сделать Гитлер в сорок первом,
Но кулаком российским по роже получил,
Получила и его страна, задрипанная стерва,
А Гитлер так бездарно на тот свет почил.

Отбросил он свои преступные копыта,
И где он похоронен, белый свет не знает,
Все его деяния прокляты, забыты,
Ему за них народ Земли огня в аду желает.

А дальше жизнь СССР с Россией продолжалась,
Так что, друг Есенин, и ты б то видеть мог,
Только СССРская власть в стране распалась,
Чего простить не может ни народ, ни Бог.

Теперь все СССРские республики распались,
Каждая живет из них отдельно страной,
Некие республики так меж собой подрались -
Им жить нынче хочется жизнью иной.

Им хочется иметь лишь свои границы,
Свои озера, реки, своей страны кумир,
Свои луну и солнце, рассветные зарницы
И в волшебство одетый свой волшебный мир.

22-23 февраля 2018 г.

РУСЬ СОВЕТСКАЯ

Были дни в годах Есенина Сергея,
Какие по стране его и по миру носили,
Одни его морозили, а другие грели
И просто придавали поэту гладь и силы.

Были дни, когда поэт просто спотыкался,
И даже, было, доставала скрученная смерть,
Но, Аллаху слава, он живой остался,
Он никак не пожелал безвестным умереть.

Он не верит, что его хоть как-то да читают,
Но россияне ему все же, как матушка, близки,
Но все ж они поэта своего не знают,
Они просто от него, как небо, далеки.

А все ж вокруг него людское окружение,
Всюду лица разные ходят и снуют,
Поэзия внимает такое положение,
И поэтические мысли от нее бегут.

Поэт заверял, что он сын села,
Любой россиянин знал и знает это,
Знает, что когда-то здесь баба родила
Своего российского скандального поэта.

Не стал я убирать Есенина слова,
Будь он жив сегодня, он мне пожал бы руку,
От плагиата у меня кружится голова,
Но все равно внимаю я есенинские звуки.

Ну как не повторить: «Какой я стал смешной,
На щеки впалые летит сухой румянец,

Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец».

А виденье такое нынче потому,
Что на базе СССРовской СНГ родился,
Старики им брезгают - он им ни к чему,
На арене мировой лишним очутился.

Но Русь твоя, Есенин, все-таки жива
От Ивана Грозного до царя Николки,
Она миру Пушкина и тебя дала,
Она где-то гладила, а где-то шли иголки.

В своей стране бывали тишь да благодать,
И только иногда всплывали Пугачевы,
Его потомки стали жить да поживать
И дожили до времени Миши Горбачева.

Ну, а потом для СССР пришел его конец,
Тройка трех республик свет белый оповестила:
Теперь у СССР совсем другой венец,
Совсем другие правила и другая сила.

Теперь СССРа бывшего на свете больше нет,
Теперь вместо него СНГ горбатый,
СССР бывалый оставил лишь портрет,
Что его угробили, он не виноватый.

Виновато время и весь новый век,
Когда другими стали звездный мир и люди,
Когда на свет явился новый человек,
Который от ненастья и безделья будит.

Украина так по-своему ринулась в поход,
Ей СССР и СНГ даром не нужны,

Ей нужны свобода и крымский весь приход,
Они Украине и теперь важны.

Россия Украине и даром не нужна,
Посколь России отродясь в миру не существовало,
Киевская Русь так испокон жила,
Киевская Русь и жизнь всем давала.

СНГэвский мир сейчас просто удивляет:
Новые правители губят Украину,
Она на карте СНГ вообще не появляется,
Ее статус на Земле просто в пропасть сдвинут.

Что же, Русь советская все-таки была,
Она и в дни Есенина в миру существовала,
И лишь в двадцатом веке закусила удила
И Россию от СССР взяла и оторвала.

От СССР остались отдельные республики,
Какие своим миром в СНГ живут,
Они едят свой хлеб, свои родные бублики,
По морю СНГэвскому в одиночестве плывут.

Как бы СНГэвский мир с собою ни общался,
Представить его будущее я просто не берусь,
Только, по Есенину, на Земле остался
Континент земли родной под названием Русь.

Ну, а это, знаем мы, все-таки Россия,
Она и при Петре Первом Россиею была,
Тогда Россия свой престиж высоко носила,
А миру Ломоносова и иже с ним дала.

А после родила она Пушкина, Некрасова,
А раньше так и вовсе лихих декабристов,

Они мир России все-таки украсили,
Желая быть свободными без угнетенья, чистыми.

Такое и случилось в октябрьскую пору,
Тогда Россия и родила великий СССР,
Какой своей походкой шел только в гору, в гору
И даже кой-кому негласно подавал пример.

К примеру СССР примкнула и Европа
С Чехией, Болгарией, Венгрией да Польшей,
СССР не ведал из себя циклопа,
Его глаз на жизнь не становился больше.

А нынче СССР погубило время,
Вместо страны этой Россия осталась,
В России и теперь живо рюриковское семя,
Россия к новой жизни, как в космос, подалась...

Была в миру когда-то наша Русь советская,
Был в миру сплоченный великий СССР,
Его же новый век ударил по-простецки,
И он завалился за мировой барьер.

Оправится ли Русь от собственного удара,
И возродится ль снова СССР подобный?
Были у СССР Победа, космос, слава,
Для всех врагов России он был несъедобный.

23-24 февраля 2018 г.

СЕСТРЕ ЛИДИИ

Известно, у Есенина была сестренка Шура,
Он был с нею дружен, он ей не раз писал,
Она ж читала брата спокойно и понуро,
Он ей уподоблялся как брат и как вассал.

У меня тоже есть сестра, но Лида от рожденья,
Мыс ней восьмидесятки наши разменяли,
Были в нашей жизни застои и движение,
Но мы знали жизнь свою и чужую знали.

Я так ударялся в писательское кредо
И даже, между прочим, роман свой написал,
За мной сестренка Лида не ходила следом
И рада, что её я в романе не кусал.

А кусал я прочих из своих героев,
Где, как ей наметилось, был наш слепцовский род,
Где кто-то шел по жизни не ползком, а стоя,
Как и должен делать это боевой народ.

Есенин так писал сестре, что в мире он прохожий,
Наверно, так судьба его им распорядилась,
Его мир поэтики постоянно гложет,
И вот уж книга первая на Божий свет явилась.

Что ж, я этой книгой и живу, и греюсь,
Может, в этой книге моей любви секрет,
Я живу стихами и прежде жить надеюсь,
А все как по природе я все-таки поэт.

То же самое, сестра, и со мной случилось:
Я так уже восьмую книгу написал,

Волшебство Есенина и во мне проснулось,
По мне и пробежалась его стихов краса.

Конечно, у меня, сестра, свои завитушки,
Свои завихрения и своя краса,
Я все же делаю стихи, а не побрякушки,
Они вновь идут к тебе, а то и в небеса.

Как бы наша жизнь, сестра, с тобой ни продолжалась,
Претензий ей мы никаких ничуть не предъявляем,
Та, что нас корежила, на тот свет умчалась,
Ну, а что дает теперь, мы сердцем принимаем.

В нашем Казахстане, друг, мы хорошо живем,
У нас есть Независимость и новая столица,
Мы свою столицу по-новой узнаем,
В ней много всяческой братвы, приезжие все лица.

Не знаю, как, сестренка, ты вертишься в столице,
Все-таки вас, гавриков, в ней целый миллион,
К вам не залетают, друг, ни голуби, ни птицы,
У вас вокруг одни дома, дома со всех сторон.

Поверь, сестра, рабочий я, обычный слесаришка,
Мне поселок дорог мой с его одноэтажьем,
Увлекаюсь стихотворством я, есенинскою книжкой,
Поэт, который для меня и нынче очень важный.

Как ни крути, а город я душой не принимаю,
Мне переулки дороги без всяческих машин,
Я геометрию столицы по сей день не знаю
И не знаю, как живут в ней детки-малыши.

По телеку так вижу я сплошной наплыв машин,
Тут не только детям - взрослым не пробиться,

Тротуары, улицы им не для души,
Тут среди домов-верзил можно заблудиться.

Как-никак, сестра моя, с поселком я дружу,
Мне дороги его закаты и рассветы,
Может быть, когда-то я об этом расскажу,
Поскольку я в Агадыре числюсь все ж поэтом.

Как бы ни было, сестра, а жить с тобой мы будем,
Ты в столичном городе, а я в Агадыре,
Тебя, сестра, возможно, столица не забудет,
А я так буду поживать в любимой мной дыре.

Неприятно слышать, как люди говорят:
«Кто не видел хуже дыр - езжайте в Агадырь!»
Хоть и дырявый Агадырь, но я поселку рад,
Считаю, он по-своему боец и богатырь.

Он десятков восемь с «железкою» сдружился
И все восемь десятков водит поезда,
В военную годину им даже фронт гордился,
Он ладил паровозы успешно, как всегда.

А все как ремонтировал он с фронта паровозы,
Какие под бомбежкой фашистской побывали,
Они после слали врагу свою угрозу
И каким-то способом победный стяг ковали.

Так, сестра, запомни, за что потом осудишь:
Я из Агадыря не двину и ногой,
В Астане, я знаю, ты до смерти будешь,
А я поселок славлю пока еще живой.

25-26 февраля 2018

Хошь - не хошь, а снова Есенина читаю,
Там, где он в кепчонке куда-то в свет спешит,
Дальше его жизнь как-то постигаю,
Где-то он с тальянкой и с кабаком грешит.

О себе он ведал: «Я - беспечный парень,
Готовый слушать песню и ей же подпевать».
Песня возбуждает в нем молодецкий пламень,
Молодую поросль и молодую стать.

Конечно, ему хочется с народом пообщаться,
Где в нарядах бабы и в кепках мужики,
Какие в косарей былых хотят превратиться
И показать - не старятся у них и старики.

Смотри, поэт, у всех у них косы свищут песней,
И под ноги ложится лихая трын-трава,
Такое ты не сможешь, хоть разорвись и тресни,
Посколь у тебя стихами забита голова.

Нет у тебя крестьянской силы и сноровки,
У тебя любви и духа к земле крестьянской нет,
А все как ты блукатишь по кабакам, столовкам,
Чему подвержен каждый на земле поэт,

А на земле, Есенин, все-таки милее,
От стихов, как ведомо, хлебом и не пахло,
Мы землю нашу милую любим все сильнее,
И мы не позволим, чтоб она зачахла.

Перо твое, поэт, не коса, не грабли,
Им траву не скосишь и в ком не соберешь.
Коса - это оружие, похожее на саблю,
В ней ты и подмогу, и оружие найдешь.

В целом же, поэт, в стихи мы все же верим,
Как-никак, а ими Пушкин занимался,
Они не прельщают разве только зверя,
А со стихами человек поэтом и остался.

Вот не знаю, кто я есть, но со стихом я знаюсь,
Только все-таки, друзья мои, я не есть поэт.
Хотя стихами я, друзья, ночами занимаюсь,
Есенина таланта все-таки во мне и близко нет.

Как бы жизнь ни длилась, а я стихи пишу,
И, главное, издатели Слепцова издают,
Может быть, я стряпаю в стихах свою «лапшу»,
А все-таки «лапша»-стихи к читателю идут.

Есенин так стихи назвал человеческой песней,
А все как в песне есть всегда слово золотое,
Без стихов и песен жизнь была бы пресной,
А так они ее куют из золота крутою.

Крутыми были все стихи у Пушкина, Есенина,
У всех, кто жил когда-то и теперь живет,
Не знаю, может быть, мне судьбою велено -
Стих Пушкина, Есенина меня-таки найдет.

А женка меня давит: «Вот ты стихи кропаешь
И в дома издательства их каждый раз несешь,
За стихи ты, дорогой, всю пенсию ломаешь,
Пополнения в какую вряд ли ты найдешь».

Не знаю, как другие, но ты мне стихотворством
Сильно разоряешь семейный наш бюджет,
Конечно, у поэтов есть свое упорство,
А вот денег от стихов не было и нет.

Так что, друг, завязывай налегать на книжки,
Посколь твои творения и даром не нужны,
Этим мы в бюджете сделаем задвижку,
Посколь теньгушки, дорогой, всегда были важны».

26 февраля 2018 г.

* * *

Вот опять Есенин крутится со мною,
Я, как он, такой же гармонист,
Увлекаюсь гармазой чумною,
Только не чумной я скандалист.

Я не шарюсь по кабакам-кафешкам
И «родимой» в рот капли не беру,
Но на людские выхожу потешки,
Чтоб закрыть безлюдную дыру.

Уж не знаю, как делалось когда-то,
Скажем, в те ж есенинские дни,
Где поэт подпитый и кудлатый
Говорил себе: дорогой, гони!

Ну и гнал он пляски под тальянку,
А у россиян веселая душа,
В пляске даже лопались портянки,
Значит, жизнь была им хороша.

У меня же такое не случается,
Посколь люди сегодня уж не те,
Они к пляскам редко прикасаются,
Им больше нравится крутиться в пустоте.

А все как мы людскому разучились,
Потому не рвемся в дивный пляс,

Мы с тенью в заботы закатились
И просто просим не тревожить нас.

Нам на нраву, по душе затишье,
Ну, а другом стал нам Интернет,
Мы письма даже женщинам не пишем,
Их не пишет даже и поэт.

А ведь Есенин с женщиной общался
И даже что-то ей лестное писал,
Он как поэт и в любви к ней объяснялся
И в экстазе перо свое кусал.

А я с Интернетом не ведаюсь, не знаюсь,
Посколь мне жирная восьмерка шибанула,
Я так больше стихами занимаюсь,
Жизнь на этом поприще меня не обманула.

Конечно, у поэтов есть свои мечтания,
Они у Есенина не хотели тлеть,
Он их возводил до самовозгорания -
Ему хотелось ярче на миру гореть.

Для того, чтоб жизнь свою и людскую видеть
В красках, кои делают жизнь и судьба,
Какие не рискуют жизнь людей обидеть,
И чтоб они не ведали, что есть в миру борьба.

Борьба человека с природой и меж собою,
Когда гибнут люди в миру со всех сторон,
Начертано бывает то людьми же и судьбою,
И о чем оповещает мир только он и он.

Он - так это же жизненный писатель,
Каким бывал Есенин и тот же Лев Толстой,

Я так в их пляде не больше как старатель
Со своей поэзией, где полной, где пустой.

Мне же, правда, хочется в житейство окунуться,
Видеть жизнь людскую - друзей и земляков,
Чтоб на вешней зорьке с зорькою проснуться
И себя почувствовать свободно и легко.

А потом, конечно, окунуться в строки,
Какие я душою и сердцем выдаю,
Пусть я от Есенина и Пушкина далекий,
Но я имею личную поэзию мою.

А закончить это свое повествование
Хотелось бы мне, друга, желанием одним,
Чтоб у вас исполнились все ваши желания
И чтоб бесконечны были жизненные дни.

А себе я тоже много лет желаю,
Я хочу писательством, как костер, гореть,
Однако, как Есенин, себе не пожелаю,
Чтобы под иконами смиренно умереть.

Я хочу и старым с пером кувыркаться,
Чтобы жизнь мою и людей писать,
Я хочу в Караганде и в миру остаться
Известным, как известна вся пишущая рать.

ЧТО БЫЛО, ЧТО ЕСТЬ

Были у Есенина пашни, пашни, пашни,
А с ними и своя коломенская грусть,
Тогда был у Есенина на сердце день вчерашний,
А сердцу все ж ответила дорогая Русь.

Я тож люблюсь пашнями и степным раздольем
И карагандинской нашей близкой стороной,
Любуюсь и бывалым агадырским полем,
Как и всей моею Казахстан-страной.

А поле это людям картопан давало,
А картопан, по сути, это второй хлеб,
Да, коммунистическое времечко бывало,
Какое нынче помнит разве что поэт.

А как его не помнить, коль его любили?
Оно надежду людям и любовь давало,
Нас бесплатно всех учили и лечили,
В стране на всех единое было покрывало.

А покрывало - это ветвь коммунистичная,
Какая одинаково всем тень свою давала,
Кто-то ее пользовал размерно и практично,
А кто-то наблюдал за ней, как из поддувала.

Я так мир любил, с ним навек сроднился,
Делал, что просили, стал даже коммунистом,
Меня коммунистичный дождик моросил,
Целина гордилась мной, поскольку был трактористом.

А жизнь кувыркалась: я с целиной расстался
И в железнодорожную учебку поступил,
В учебке хорошистом отменным оказался,
Поскольку рельсы, шпалы преданно любил.

Этой любви отдано сорок лет сердечных,
Ну, а «дембель» с женкой нас сильнее сплотил,
«Железку» мы считали своей маткой вечной,
Я ее, по правде, как жену любил.

Нынче мы с женою двадцать лет на пенсии,
Женка дело знает, у меня ж - секрет,
Женка нашу жизнь не считает пресною,
Она - домохозяйка, а я как есть поэт.

Женка постоянно борщами занимается,
Чтобы только мужу как-то угодить,
Муж за любовь к борщам часто извиняется,
Посколь они ему продлевают жизнь.

Сколько она, милая, для него продлится,
Того, видать, не знает даже Господь Бог,
Хотя она с косою где-то да стучится
И переступает жизненный порог.

С женкой нам обоим уже по восьмидесятке,
Надеяться на большее мы просто не хотим,
У нас со здоровьем все в полном порядке,
Пусть жизнь щедро дарит здоровье всем живым.

Признаться, а мне лично по натуре хочется
До лет актера Зельдина дожить и дотянуть,
А все как мои книги из Караганды волочатся
И в писательское небо открывают путь.

«Войну и мир», конечно, я лично не осилю,
Потому как от Толстого я как пень тупой,
Но к перу писателя я привязан сильно,
Хотя мир не знает, кто я есть такой.

Ну кто в поселке знает Слепцова как поэта?
Замакима, Быков да Чеботарев,
Остальному люду просто не до этого,
Ему бари-бери, кто это таков.

Так вот я безвестным в миру и обитаю,
Обо мне не более в издательстве лишь знают,
Конечно, за безвестность я переживаю,
Переживаю, что меня просто не читают.

А как его, горбатого, видеть и читать,
Когда он издается двадцатью лишь книжками?
Хотелось бы поболее этих книг издать,
Так женка на расходах поставила задвижку.

Ну, а у пенсионеров достаток не лихой,
Хоть и не голодный, а не похикуешь,
Хотя в семье давно введен закон сухой,
Бывает, по теньгушке враз и затоскуешь.

А все как жизнь наша новости несет,
Разные подносит ноутбуки и планшеты,
Жена на них бросается, как квочка на насест,
А я так их фиксирую росписью поэта.

Вот как раз и нынче такое совершил,
Женка от покупки так враз помолодела,
Хотя шестидесятку лет я дружно с ней прожил,
А не знал любви ее к покупочному делу.

А мудрецы так говорят, что жены - это сказка,
Какую не узнаешь, покуда не прочтешь.
Моя не раз бросала: «Ты мне не указка!
Мне не все по сердцу, что ты мне даешь».

За покупку я жену не упрекаю,
Коль она довольна - значит, я ей свой,
Конечно, к своим хитростям она не допускает,
А значит, думать будет своей лишь головой.

Что и происходит днями и ночами:
Жена по Интернету весь видит белый свет,
Она как-то крутилась незнайкой поначалу,
Теперь у ней претензий к Интернету нет.

Как нет этих претензий и к своим приборам,
А ко мне и вовсе притязаний нет,
А все как отмечаю я злые разговоры
И, может, потому еще, что все же я поэт.

А поэту велено жизнью и временем
Видеть жизнь людскую, их душу понимать,
А потом, как всадник, вставить ногу в стремя
И стараться за людьми по миру гнать и гнать.

1-2 марта 2018 г.

ВЕСЕННИЕ ЗАВИХРЕНИЯ

Посмотрел на небо: мартовское солнце,
А весенним ветерком и издали не дует,
Женка протирает в комнатах оконца
И на весну холодную просто негодует.

Ну чего бы ей самой с людьми не побрататься,
Когда они готовы ей преданно служить?
Они сейчас готовы за лопату братья
И на весенний паводок труд свой положить.

Такое уж бывало в прошлую веснуху,
Когда вода весенняя и дворы сносила,
Спасатели ж спасали деток и старуху,
Хотя весна об этом их даже не просила.

Потоки ж делали свое губительное дело -
Рушили сараи, постройки и дома,
Они кувыркали и легковушки смело,
А людей и вовсе сводили всех с ума.

Но как бы та стихия весною ни бесилась,
Люди все ж умели ей противостоять,
Они с ней по-рыцарски, по-партизански бились
И могли ее потоки по-мужски унять.

Они их своей техникой рушили, давили,
Засыпали камнем, щебенкой и песком,
Водные потоки от селений уводили,
И люди ходить начали по улицам гуськом.

Такое, правда, даже и в Агадыре бывало:
Потоки деревянную двухэтажку затопили,
Вода в квартирах даже до кроватей доставала,
Отчего малюток так на руках носили.

Как ни есть, а агадырский феномен заметили,
А Караганда так весь процесс по телеку прогнала,
Нашлись какие-то свои фотограф и свидетели,
Какие этот дом и Агадырь миру показали.

Неведомо, какой весна нынче ожидается,
Так ли ее воды будут бушевать...
Говорят, Карагандинский край потоков опасается,
Но готов стоически им противостоять.

У карагандинцев, говорят, есть силы и желание
Бороться и с потоками восемнадцатого года,
Они не допустят прошлого страдания
И уймут любую весеннюю погоду.

Так что будем жить, друзья, и на себя надеяться,
Коллективно сможем мы всему противостоять,
Как бы ни старалась весна бурлить и пениться,
Пред ней предстанет все равно мужская сила-рять.

Ну, а этой силе грех не подчиниться,
Такое уж бывало, будет и теперь,
Жизнь заставляет нас многому учиться,
Так что встретим мы весну с приветом, без потерь.

3 марта 2018 г.

ИНТЕРНЕТОВСКИЕ МОТИВЫ

Признаться, мне хотелось бы с друзьями поделиться
Мыслями своими, своими же мечтами,
Заодно их мнениям и мыслям поклониться
И заодно проверить: что они читали?

Что они читали из агадырского поэта,
Из всех двенадцати книжек, что он написал,
Он всем друзьям долдонит: в нем таланта нету,
Но все-таки стихи он как топором тесал.

На «дембеле» же, други, мне восемь шибануло,
Конечно же, десятков откровенных лет,
Годы ж эти, други, меня не обманули -
Я так и остаюсь непризнанный поэт.

Непризнанный, поскольку меня не читают,
В библиотеке книг моих и близко не берут,
Читатели поэтов других предпочитают,
Им свою любовь и душу отдают.

А все же мне б хотелось к читателю пробиться
И у него какое-то влечение найти,
У него бы жизни я и стал учиться
И искать свои в писательстве пути.

Но я поэт непризнанный, по сути, самозванный,
На деле же издательства Слепцова издают,
Значит, для кого-то я все-таки признанный,
Мои книги от издательства ко мне же и идут.

Они по стране не делают ни шагу,
Их в самом издательстве и в городе их нет,
И все же им я кланяюсь, как чародею-магу
И все-таки считаю, что я есть поэт.

Конечно, я не Пушкин и не Сергей Есенин,
Поскольку их мизинца не стоил и не стою,
А за стихи берусь я с душою и без лени,
И из них так Эйфелеву башенку я строю.

Ну, двенадцать книжек - это не игрушка,
Это моя личная судьба, надежда, жизнь,
Нынче со стихами я как с женой-старушкой,
У нас с ней проверенный старый коммунизм.

В этом коммунизме мы с женой родились,
В этом коммунизме мы с женой росли,
В этом коммунизме мы с женой учились
И друг друга все-таки в Агадыре нашли.

С той поры мы с женой шестьдесят годочков
Вместе ладим жизнь и свою судьбу,
У нас есть наши внуки, правнуки, сыночек,
С ними мы уж точно не вылетим в трубу.

С ними у нас добрая и живая старость,
Мы их именами и заботами живем,
У нас от их присутствия на сердце только радость,
Мы со своей старушкой себя им отдаем.

И они нас с бабкой любовно привечают
И даже нам вручают какой-то Интернет,
От этого они довольство получают,
А я так их приветствую как праведный поэт.

А Интернет, по-нашему, изобретенье века,
Это понимает и весь крещеный мир,
Какой как есть старается - все для человека,
Для какого Интернет есть признанный кумир.

Мы с бабкой по Интернету с детками общаемся,
По нему нас внуки с Алтая достают,
Мы с бабкой их видеть в здравии стараемся,
А они уж точно нам здравия дают.

Бабка моя с Интернетом, как со мной, сроднилась,
А временами для нее он даже чем-то ближе,
Ей общаться с миром просто полюбилось,
Что я и отметил вдруг в одной из своих книжек.

Что ни говорите, а Интернет - победа
Души человеческой, здоровья и ума,
На Интернет бросаются пацанва и деды,
А жизнь воспламенилась от него сама.

Неведомо, что принесет человеку время,
Только Интернету пока сравнения нет,
Интернет придумало человежье племя,
Я это утверждаю как друг и ваш поэт.

4 марта 2018 г.

НА ЕСЕНИНСКОЙ ТРОПЕ

Не ведаю, чем жил в свои года Есенин,
Но стихи его так прямо говорят,
Что он жил поэзией чуть ли не с колыбели,
Дни же революции их и теперь творят.

Поэт жизнь свою от мира не скрывает,
Стихи его глаголят о жизни, о луне,
О том, что кабаках он сумрачным бывает
И сглаживает скуку в картах и вине.

А потом к тому же он брал свою тальянку,
И народ окрестный тут же рвался в пляс,
Было то и днями, а то и спозаранку,
Что может удивить сегодняшних нас.

Может удивить и призыв поэта:
Надо как-то легче на этом свете жить
И не освещаться только своим светом,
Надо светом мира тоже дорожить.

Свет этот подскажет, как с женщиной общаться,
Как найти в ней верного и родного друга,
Как искать совместно им по жизни счастья
И как не выйти им двоим из жизненного круга.

Не секрет, что жизнь нам разное готовит:
Где-то встречи разные с разными людьми,
Смелые так вообще свое счастье ловят,
Неудачники же в трансе бунтуют - черт возьми!

А как не бунтовать, коль жизнь не получается,
Когда против тебя и жизнь, и судьба,
Когда твоя житуха по кабакам болтается,
Ну, а кабак по жизни - это же труба!

Есенин так однажды в кабаке заметил,
Что его не радуют ни солнце, ни луна,
Что он у жизни тоже бывает на примете,
Ему не в радость даже новая страна.

Но у поэта личная семантика такая:
Новая Россия - значит, новый мир,
Жизнь у нее теперь совсем другая,
Ленин для России ее цвет, кумир.

Конечно, у России теперь свои заботы,
Поскольку у нее своя власть Советов,
Теперь у ней прибавилось для все страны работы,
Какая навалилась даже на поэтов.

Ну, а что поэт? Он по натуре лялька,
Какую надо как-то качать и пеленать,
Пока из нее не вырастет современный дядька,
Какой стихам заменит и отца, и мать.

Таким как раз и вырос поэт Сергей Есенин,
Который у России видел новый путь,
Какой также видел, что товарищ Ленин
Не позволит Родине в обратный путь свернуть.

А в обратный путь ее свернуть пытались
Антанта и Юденич и весь крещеный мир,
Россияне с Колчаком и с беляками дрались,
Они представляли мерзавцев и задир.

Новую Россию поэт принял сердечно
И даже ей стихи свои и жизнь посвятил,
Он жизнь свою поэта не считал конечной,
Он ради россиян, он для России жил.

5 марта 2018 г.

И опять Есенина листаю,
Делаю я это по привычке,
Что-то уже много раз читаю,
А в чем-то только делаю отмычку.

Вот такое прежде не встречалось,
Может быть, что слишком молод был,
Когда поэту страстно целовалось
И он даже преданно любил.

Однако та любовь была созвучьем,
А для поэта просто свет и тень,
Для его подруги - невезучей,
Посколь она скакала, как олень.

Поэт любовным версиям не верил,
Потому любовь и не искал,
Но не уподоблялся чувствам зверя
И себя по обществу таскал.

Он жизнь прошел от края и до края
И понял, как коварен этот век,
И если б ада не было и рая,
Их все равно б придумал человек.

Наверно, с этим можно согласиться,
Посколь у жизни логика своя,

У жизни нам и надобно учиться,
Что, конечно, делаю и я.

Вновь стихи читаю без названья,
Помеченные тройственной звездой,
Читаю для себя без понуканья,
Любуюсь этой книгой и собой.

Ну, а книги - это же Есенин,
С каким я и на старости дружу,
Пред ним я опускаюсь на колени,
За ним в библиотеку захожу.

Себя благодарю за верность богу,
Каким Есенин видится и мне,
Он открыл к стихам мне путь-дорогу,
По какой ходил и он при старине.

Коль я что-то старое хватаю -
Тут Есенин точно побывал,
А я в Караганде своей бываю,
Пораженный ею наповал.

Чего бы в моей жизни ни бывало,
А у Есенина я что-то да беру,
Есенинским я кроюсь покрывалом,
Хотя гоню и личную пургу.

Издателя меня не раз встречали
И теребили записи мои,
Достойное печатно издавали,
Давая наставления свои.

Благодаря издательскому дому
Я вышел в свет аж все двенадцать раз,

Не знаю, как везет в стране другому,
Но у меня был дух писательства и глаз.

Как-никак, а с жизнью я общаюсь
И про нее на радостях пишу,
Прозой и стихами занимаюсь
И выдаю слепцовскую «лапшу».

Издательство ее бросает в чашу
И даже как-то пробует куснуть,
Оно знает стихотворство наше,
От Пушкина оно берет свой путь.

Лично я бросаюсь на Есенина,
С ним мне как-то ближе и родней,
С ним иду я по стихам уверенно,
С ним я становлюсь в миру сильней.

6 марта 2018 г.

* * *

Как бы ни бывало, а нынче шибанул мне
Восемьдесят один мой заскорузлый год.
Конечно, что-то в сердце и в душе кольнуло:
Куда восемнадцатый меня приведет?

Прежние года так по стране носили
От Москвы с Уралом до Дальнего Востока,
Ноги мои даже Шушенку месили,
Был я в этом Шушенском гостем одиноким.

Видел шубу Ленина и ружье-двустволку,
С какой на зайцев Ленин и на гусей ходил,
Выполнял он это с друзьями втихомолку,
Хотя охоту эту он сроду не любил.

Но годы те рабочие лишь в душе остались
И где-то даже в памяти старческой моей,
Последующие годы мной распоряжались,
Мной, моею женой и моей семьей.

А в годы девяностые СССР распался,
Дети без раздумья умчались на Алтай,
А я так с моей женой в Агадыре остался,
Какой есть моя пристань, мой даже тихий рай.

А дальше меня годы на «дембель» проводили,
На каком я старикусь целых двадцать лет,
На «дембеле» ко мне лишь мысли приходили,
Какие римфовал я, поскольку был поэт.

Эти мысли я и теперь римфую,
К тому же в Караганде и книги издаю,
Я от своих книжек так истинно ликую,
Им я свою жизнь и нынче отдаю.

Не знаю, сколько времени во мне Сергей задержится,
Ну, Сергей Есенин и его друзья,
В мое долголетие мне почему-то верится,
В долголетье верит и вся моя семья.

А все как много лет я не болел ни разу,
Не кашлял, не печалился и не грипповал,
Тогда как телевиденье трещало о заразе,
Какая убивает враз и валит наповал.

Меня же, слава Богу, болезни все обходят,
Сколь сие продлится, не знает даже Бог,
Ко мне сегодня только мои стихи приходят,
Я им служу сегодня, чего вчера не мог.

7 марта 2018 г.

НА ЕСЕНИНСКОЙ ВОЛНЕ

Уже в который раз с Есениным общаюсь,
И, поверьте, он мне точно брат родной,
С ним и его стихами я не пререкаюсь,
Потому как все-таки я поэт другой.

Я от его времени и от него далек,
Поскольку сотня лет нас как-то разделяет,
Но я умыкаю его живой урок,
Какой своей поэзией мой стих подогревает.

Вот как-то между прочим наткнулся на Миколу,
Какой в лаптях изодранных по деревням ходил,
Заходил он в избы, кланялся всем долу
И даже подавания для себя просил.

Так Микола-странник и шастал по квартирам,
Где-то нарушая их быт и их уют,
Заходил и к людям в их бедные квартиры,
Не чувствуя, что здесь ему корку подадут.

А люди все равно хлеб ему давали
И даже предлагали попить чудо-квасу,
Где-то в зипунишко старый одевали
И даже рубль давали из своего запаса.

Микола удивлялся щедрости народа
И думал, что виной тут революционный век,
У какого мысль большая и своя природа,
У какого появился новый человек.

Зовут его советский, какой живет по-новому
И какой батрачить людям не позволит,

Он по революционному времени идет
И нечисть в стране всякую мечом и пулей гонит.

Оттого, быть может, и рожь заколосилась
И зацвел на пашнях раздушистый лен,
А в Миколу некая красавица влюбилась,
Которой он отвесил лишь дружеский поклон.

А потом они по праву красиво поженились,
И у них родился собственный свой дом,
В этом доме ихние и детки народились,
Какие даже встретили фашистский первый гром.

Микола тоже воевал и бил фашистских гадов,
Однако повезло ему - домой живой вернулся,
Вернулся и с ранением, и с многими наградами...
От стихотворства этого я лишь теперь проснулся.

Есенину, конечно, было не до этого,
Хоть своего Миколу он все-таки любил,
Есенин оставался октябрьским поэтом
И в Октябре любовь свою он к людям сохранил.

А больше сохранил он любовь к своей деревне,
К пушкинскому времени и к стихам своим,
Хоть Пушкин был поэтом по натуре древним,
Он все равно поэта по-своему любил.

Может быть, за это и я люблю Есенина,
Что он в моих стихах и в моей душе,
Наверно, все же временем и жизнью было велено
Усталость, старость, тишину гнать от себя взашей.

Что я, между прочим, для себя и делаю,
Главное, безделье я от себя гоню,

К своим стихам я, правда, оказался смелым,
Я сверху их хватаю и ломаю на корню.

Знал бы мой Есенин мое состояние,
Когда я со стихами день и ночь не сплю,
Он бы, несомненно, обратил внимание,
Что я у читателя приравнен лишь к нулю.

Мои книги Агадырь и близко не читает,
Оттого что я, видать, ему неинтересен,
Люди в целом обо мне вряд ли что-то знают,
Говорят, что я в стихах по-стариковски пресен.

Не ведаю, не знаю, что за пресность та,
С чем ее едят и с чем ее смакуют,
У каждого поэта есть своя черта,
От какой страдает и от какой ликуют.

Поверьте, други, точно мне надо ликовать,
Ведь все-таки двенадцать выпустил я книжек,
Поверьте, мне их хочется просто целовать,
Поэзия к Есенину и нынче меня движет.

Не ведаю поэта я жизнь и судьбу,
Не ведаю, кто жизнью его распорядился,
Не ведаю, как выглядел поэт в своем гробу,
Только слухи бредили: Есенин удавился...

А лично ликовать мне, други, не придется,
А все как меня в мире белый свет не знает,
Мне, старику, сегодня только остается
Писать то, что Есенин мне в сердце посылает.

18-19 марта 2018

* * *

Вновь вижу я Есенина, его край Рязанский,
Который называл он «край ты мой, пустырь»,
Я крадучись иду за ним по-партизански
И вижу край любимый - мой добрый Агадырь.

Видел край Есенина, его край заброшенный
С пустынными полями и тишиной глухой,
Казалось, в свете нету ничего хорошего,
Посколь в деревне жили еще былой сохой.

Может быть, и правда тогда так бедно жили,
Ведь были то в природе есенинские дни,
Какие почему-то у поэта всплыли,
И душу бередили Есенина они.

Поэт видел русские затурканные хаты,
Какие в своей бедности кланялись земле,
А в хаты те стучали колчаковцев пираты
И искали, что куснуть в пустующем столе.

Искали, но съестного никак не находили
И все же по-бойцовски поддавали пару,
Пока красногвардейцы охоту с них не сбили
И не дали русского бойцовского им жару.

Все то, по Есенину, в его эпоху было,
По-нашему же было много лет назад,
Теперь оно лишь только у поэтов всплыло,
Конечно же, имея своих поэтов взгляд.

Поэт так находил свои лихие строки,
Поскольку наступил революционный век,
В каком росли свои причуды и пророки,
К тому же и рождался новый человек.

Он пришел и бросил: царизму не бывать,
Который продержался в миру аж тыщу лет!
Царизм уже не будет народом колдовать,
Теперь уже царизма на свете больше нет.

А все как мы громили Юденича с Антантой,
Мы врагов России умели крепко бить,
Россия так рождает своих вождей-танталов,
Которые способны Россию возродить.

Россия в век вступила бойко и активно,
Так же и активно она по жизни шла,
Народы жили дружно, трудились продуктивно,
Их даже не сломила минувшая война.

А после мы-таки подняли целину
И строили совместно хрущевский коммунизм,
Мы и послевоенную строили страну,
Строили большую для России жизнь.

Россияне помнят, как Хрущев когда-то
Обещал народу горы золотые,
Народ Хрущева слушал, как слушают солдаты,
Поскольку годы были по-своему крутые.

Хрущев менял валюту и людскую память
И даже поживал сталинской эпохой,
Ему в стране хотелось еще шире плавать,
Жить на широку ногу, по нашему - неплохо.

У жизни ж было время, оно вело Россию,
Как часто говорили, нехоженой дорогой.
В печати отмечалось: путь России - синий,
Посколь народ умеет с плеч валить тревоги.

Не сказать, что жили мы бедно, по-простецки,
Однако и Россию, и строй наш не любили,
Мы все же поднимали свой новый флаг советский,
Который страны Запада просто обходили.

А брежневское время все-таки жило,
Что-то в нем крутилось, что-то получалось,
Кому-то шла поддержка, а кому-то зло,
Но время все равно в мир и в космос мчалось.

Как-никак, а все же и полетел Гагарин,
СССР кому-то свой первый дал урок,
Кто-то жил во благе, кто-то и на грани,
Кто-то как Рокфеллер, а то и сам пророк.

А дальше Горбачева и Ельцина политика,
Развал Союза нашего, рожденье СНГ,
Какой не принимает никакую критику,
Считая, что живет он в своей большой стране.

Иду я по девятому своему десятку,
А блеснуть, по сути, мне откровенно нечем,
Конечно, я с читателем не играю в прятки,
Хочу его заботы взвалить себе на плечи.

Хочу глядеть на мир лишь его глазами
И зреть его таким, какой он на виду,
Но не хочу, чтоб умывались женщины слезами,
А путь был только светлым, каким они идут.

А Жириновский точно бы и обо мне сказал,
Как сделал он на выборах с Павлом свет-Грудининым,
Меня бы он уж точно колхозником назвал,
А мои книжонки - они нигде невидимы.

Что в тех произведениях? Коммунистичный мир
С хрущевской и брежневской забытою эпохой,
В ордена одетый был у страны кумир,
А народ не сытый был, ходил полураздетый.

А кот мой забияка моим стихам внимает,
Их слушает прилежно, пригревшись у колен,
Кот все-таки, наверно, меня и стих мой понимает,
Видать, его тоже, бедного, стихи хватают в плен.

Вот так, друзья мои, жизнь со мною водится:
Первые стихи мои я лишь коту читаю,
Который у колен моих греется и возится,
А слушателя лучшего я пока не знаю.

Давно смирился я, друзья... Кот у меня особый,
Он часто меня слушает и в ответ мурлычет,
Я ему оповещаю стихотворства пробу,
От каких он в спячке вроде даже хнычет.

Как ни есть, а мой котяра шесть окончил классов,
Потому и слушает он мои стихи,
О них никак не ведает в миру людская масса,
Ни о каких не ведает, хороших и плохих.

Итак, друзья, давайте пожмем друг другу руки!
Может быть, мы встретимся и в будущем году?
Нас, может, крепче свяжет долгая разлука,
Я все же со стихами к вам на поклон приду.

Не знаю, как мой кот ученый стих мой понимает,
А вот читатель, верю я, его сильнее поймет,
Пусть меня он где-то за слабость поругает,
Но и эта ругань мне пользу принесет.

Потому за здоровье читателей молюсь я,
Пусть все ваши желания в день Наурыза сбудутся,
Пусть у вас не будет болезней и страдания,
А горечи былые пусть навсегда забудутся.

21-22 марта 2018 г.

ВДВОЕМ С ЕСЕНИНЫМ

Вот опять Есенин ко мне в дом вошел,
Где мы по привычке с ним чай «Ассам» гоняли,
Есенин говорил, что это хорошо,
Когда мы вместо рюмки стих с чаем выбираем.

И что нам остается? Стих - ведь это жизнь,
Стих - ведь это наша русская душа,
Мы нынче в них не славим хрущевский коммунизм,
Поскольку жизнь сегодня как песня хороша.

А в песне есть душа, напев и обожанье,
Сближение сердец, сближение любви,
Как в песнях Исаковского, любовь и провожанье,
Какие возвращаются, только позови.

Я тоже их зову, и стих ко мне приходит
И своей душою влезает в душу мне,
Стихи меня и в поле, и во сне находят,
Находят меня, даже когда я на коне.

На коне ретивом с дорогими шинами,
Какой носит имя волжский «Жигули»,
Коняка мой красуется с прочими машинами,
Какие даже в Агадыре свой приют нашли.

После чая все же я за стихи хватаюсь,
С Есениным прощаюсь и крепко руку жму,
С его уходом снова им и увлекаюсь,
А то и вовсе кланяюсь в своих стихах ему.

Не ведаю, что будет со стихами дальше,
Я обхожу Есенина и прочих обхожу,
И все ж в своих стихах я избегаю фальши
И больше правду жизни в них нынче нахожу.

А на моем девятом жизненном десятке
Стихи меня оставить и бросить не хотят,
В издательстве мне молвят: стихи мои в порядке,
А потому пополнят они мой книжный ряд.

Хотелось, чтоб и нынче ряд этот продолжался,
А потому мне хочется еще жить и жить.
Хотелось, чтоб задел мой творческий остался,
Готовый и читателю, и творчеству служить.

А служить так больше нашему читателю,
Я того желаю, и это не секрет,
А все как я, друзья, остаюсь писателем,
Где-то журналистом, а где-то и поэт.

Кем бы я в природе и в жизни ни являлся
И сколько бы я книжек серьезных ни родил,
Я все же в старом свете одной ногой остался,
Посколь я в этом свете родился, рос и жил.

Родился, когда Сталин искал врагов народа,
Уничтожал невинных, ссылая их в Сибирь,
Когда Сталин делал в миру свою погоду,
Тогда на свет рождались я и Агадырь.

Не ведаю, как жизнь у людей крутилась,
Кто выбился в начальники и свой пост достал,
На батьку ж моего нужда навалилась,
И он отменным трактористом в своем совхозе стал.

А война нагрянула - батька с мужиками
По дороге пыльной куда-то укатил,
Их щупали и гладили военными руками,
А потом услали на подготовку в тыл.

А потом, конечно, была передовая,
Были снег, окопы и тот же злой фашист,
Батька расправлялся с ним, как мог, не переставая,
Как расправлялся с полем совхозный тракторист.

А дальше свои волны жизнь по миру катила.
Бои отгремели, закончилась война,
Страна на все бросала свой народ и силы,
Поскольку возрождалась новая страна.

Наверно, с нею рос и я и моя семейка,
Какая и на «дембель» меня проводила,
Где я враз прочитывал разные статейки,
А больше на стихи свои растрачивал я силы.

Так вот и живу я сегодня со стихами,
Которые мне молодость все-таки дают,
Просыпаюсь часто я уж точно с петухами,
Какие неизменно стихи мне и клюют.

Может, оттого их читатель не читает,
Что нет в них чистоты и вкуса в них нет,
Оттого народ мирской моих стихов не знает
И не представляет, что я есть поэт.

Конечно, я не Пушкин и даже не Есенин,
Какого, хоть убейся, я все-таки люблю,
Какого я читаю без усталости, без лени
И, может, даже этим свой стих себе гублю.

25-26 марта 2018 г.

ЗАВИДУЮ Я ЕСЕНИНУ

Вот опять наткнулся на Есенина Серегу,
Где он себя считает - похабник, скандалист,
А я все равно ищу его дорогу,
Где он и поэт, к тому ж и гармонист.

Ему кабаки были как милашки,
Где он не раз закатывал знакомство и гульбу,
Попросив одеть его в русскую рубашку,
В какой смотреться русским он будет и в гробу.

Этому Есенину можно позавидовать,
Он оставался русским в любом земном краю,
Он мог по пьяной лавочке все лавки опрокидывать,
Любя, однако, родину - Россию-свет свою.

По той же пьяной лавочке ему не раз хотелось
Даже розу белую с жабой повенчать,
Ему от этой мысли на тальянке пелось,
Однако же хотелось и мать свою обнять.

Как бы жизнь кабацкая с тальянкой ни дружили
И сколько бы им времени поэт ни отдавал,
Стихи в его душе рождались, пели, жили,
Идти он умудрялся и на карнавал.

На карнавале те же пляски и гулянья
И та же вся мужицкая жизнь и простота,
Поэт же не искал себе с женщиной свиданья,
В нем жила поэта надежда и мечта.

Как ни есть он помнил свои дни и ночи,
Березовые шорохи, свежесть полыньи,
Когда дни осенние все делались короче,
А душе хотелось женственной любви.

Потому и помнились волосы любимой,
Какие так хотелось к щекам своим прижать,
А поэту просто необходимо было
В тиши своей рязанской стихи свои рожать.

Поэт так и сказал: он зажил новым светом,
Может, по веленью злой своей судьбы,
Только все равно остался он поэтом
Русской покосившейся бревенчатой избы.

Может, мы и нынче понять никак не можем
Есенинскую жизнь и его судьбу,
Мне стихи Есенина и нынче всех дороже,
Хотя веду я с ними негласную борьбу.

Не знаю, как избавиться мне от их влияния,
Все равно они меня повсюду достают,
И в молодости не верил я есенинским видениям,
Однако и во сне они украдкой, но идут.

Конечно, я ловлю их и с ними просыпаюсь,
Какая в них начинка - потом лишь узнаю,
Что они сказали - в себе я разбираюсь
И где-то вижу исповедь чужую и свою.

А мне, друзья, хотелось бы жить нынешней эпохой
И для нее бы стряпать все мои стихи,
Не сказать, что выглядят они как есть дурехой,
В них часто много лишнего, безжизненной трухи.

Как бы ни бывало, себя я проверяю
И как-то умудряюсь свои стихи понять,
Одни из них я просто на ветер посылаю,
А другим стараюсь жизнь и душу дать.

В издательстве на стиль стиха не ахти бросаются,
Коль не зовет к оружию - значит, он пойдет.
Ставное, что видим мы: люди так братаются,
А дружба нас к победам и в космос поведет.

А космос - это значит, что мы прорвемся к далям,
К жизненным свершениям, к счастью всех людей.
Не нужны нам разные ордена, медали.
Мы хотим, чтоб Ленины рождались на земле,

Какие смогут временем и народом жить,
Какие будут против войн на всей планете,
Какие независимостью будут дорожить
И предложат дружбу всему белу свету.

Казахстан уже предложил это белу свету,
Кто-то уже принял, а кто-то в забытьи,
Это заподозрили писатели, поэты,
Это заподозрили и казахстанцы - мы.

Как мир нашей планеты судьбой распорядится,
Жизнью своею и планеты всей?
Может, он в экстазе в себе разгорячится
И представит Землю во всей ее красе.

28 марта 2018 г.

ЕСЕНИНСКАЯ ВЕСНА

Вычитал я у Сергея Есенина
Строки про жизнь и ту же весну,
Когда мартом полуденным по миру веяло
На Есенина жизнь и Россию-страну.

Черемуха у поэта цвела почему-то
И тихо роняла весенний свой цвет,
Видать, оттого, что Есенин кому-то
Посылал свой весенний любовный привет.

Посылал, вероятно, любимой невесте,
А то и Рязани любимой своей,
Весна же была и надеждой, и песней,
А то и России-матушки всей.

От весны голубой тут и впрямь одурманишься,
Когда бродят по лужам с прилетом грачи,
Про себя же, бывает, и каешься-маешься,
Что не нашел к ним поэта ключи.

А их бы хотелось песней прославить,
Что они манят с собою весну,
Готовые людям и песню оставить,
Какие встречают и славят страну.

Чтоб туда мчать, где весенние зори
И солнце людям приносит рассвет,
У каких нет несчастья и горя,
А есть свой разудалый поэт.

Мне бы тоже поэтом хотелось
В свет родиться, Есениным стать,

Чтобы и мне, как Есенину, пелось
И читала читателей рать.

Но поэт жил в другую эпоху,
Когда годы другие текли,
Когда многим жилось просто плохо -
Понять новую власть не могли.

Не все поняли подвиги Ленина,
Не всем Октябрь на душу лег,
Не все душою в Октябрь поверили,
Пугачевский в нем видя лишь смог.

Но жизнь многому делала скидку,
На труд и подвиг Россию вела,
Какая знала людские прикидки,
Их мечтою и верой жила.

Конечно, рыла лихие каналы,
Возводила лихие мосты,
На все имела великие планы
Без всякой русской лихой простоты.

А когда Гитлер к нам ринулся в небо
И на наши родные поля,
Людей лишая и дома, и хлеба,
Под ним и впрямь загорелась земля.

На битву встала так в целом Россия,
Она и вогнала же Гитлера в гроб,
Она в гости врагов не просила,
Урок прошлого пойдет миру впрок.

Пусть он вспомнит Батю монгольского,
Дмитрия Донского, Александра Невского,

Наполеона вспомнит (ну того, французского)
И годы века нашего сталинско-советского.

Гитлер вознамерился и получил свое,
Получит и любой, у кого руки чешутся,
У России нынче свое житье-бытье,
Она не позволит своим житьем потешиться.

Она не допустит к границам никого,
Хотя пробиться к ним Адольфу удалось,
Что вождя России смутило самого,
А по белу свету загадкой пронеслось.

Теперь же у России сомкнутый кулак,
Ее теперь не свалишь никаким напругом,
Если ты пришел как друг и как кунак,
Тебя встретят чаем и распростертым стягом.

А перед Есениным я все же преклонюсь,
У него есть патриотика и к Руси любовь,
Этому всему я у него учусь
И даже сердцем впитываю его любовь и кровь.

1 апреля 2018 г.

БЕРУ У ЕСЕНИНА

Ну как не усесть у Есенина ветер,
Какой и протяжен, и тепл, и глух?
Он обдувал все живое на свете,
Что и заметил Есенин, мой друг.

Дружба у нас, ну конечно, условная,
Ведь поэт родился еще при царе,

Все же стихи его чту поголовно я,
Читая их ночью и на заре.

А поэт в свои годы и дни умудрялся
С небом брататься и видеть луну,
Слушать крик петухов тоже он не терялся,
Как и слушать в душе перезвон, тишину.

В тишине той поэту часто хотелось
Видеть свой старый покосившийся дом,
Где писалось ему и где песенно пелось,
И чудилась девушка под милым окном.

Хотелось, она чтоб своим зрячим оком
Цвета небес, голубых васильков
Стала поэту надеждой, пророком
И даже сказала своим языком:

«В стихах твоих, друг, золотая семантика,
В них дружба, надежда, вера, любовь,
В них много сподручно любви и романтике,
Какие сжигают и душу, и кровь».

У поэта, конечно, лихие желания -
Видеть земное и надежду свою,
В стихах слать любимым живые послания
И говорить им: желаю, люблю...

У поэта нет в жизни глубокой коррозии,
У него мир стиха, своя жизнь и смерть,
Он себя отдает золотистой поэзии
И о том не желает страдать и жалеть.

Ну, а больше поэту и сердцу хотелось,
Чтоб его вся Россия родная читала,

Чтоб ему еще шибче писалось и пелось
И чтобы родная Рязань его знала.

А я ведь, по сути, того же желаю:
Хочу, чтобы область меня как-то знала,
Чтоб видели люди - с поэтом я схожий,
Потому надо, чтобы меня область читала.

Чтоб читали меня в Балхаше, Жезказгане,
В Саяке, Темиртау, Приозерске, Абаете,
В поселеньях далеких карагандинских окраин
И даже в забытом мной Акмолинском крае.

Все-таки там я когда-то родился,
Рос, подрастал, даже встретил войну,
А после железной дороге учился,
Какая гремела на мир и страну.

Какая потом в Агадырь проводила,
В каком я живу шестьдесят уже лет,
Какая на «дембель» меня проводила,
Где и родился агадырский поэт.

Нынче я по Агадырю и Караганде шагаю,
А в целом по девятому десятку иду,
Обидно, что Слепцова белый свет не знает,
Неведомо, какой конец я в Агадыре найду.

А все равно хотелось бы, чтоб люди меня знали,
Чтобы область знала, что есть поэт живой,
Хотелось, чтоб меня хоть как-то да читали
И сказали миру: это все же свой!

Свой со своими мыслями, надеждой и любовью,
Со степными далями без конца и края,

Со своей горячей казахстанской кровью,
Она во мне не стынет, даже умирая.

Потому как я душой и сердцем казахстанец,
Потому как дорог мне мой Карагандинский край,
А в Агадыре моем я вечный постоялец,
Это моя пристань, мой священный рай.

2 апреля 2018 г.

ЕСЕНИНСКИЕ НАПЕВЫ

Сегодня день обычный, но весенний,
На дворе, однако, облачная хмарь,
Какие мне и нынче подсунули Есенина
И сказали: «Дорогой, под него дурмань!

Ты с поэтом этим как-то подружился
И его дорогою в поэзии идешь,
У него поэзии и стихам учился
И на него пытаешься быть в миру похож».

У него: «Мне скоро шибанет тридцатник,
Но я все ж горю своим живым огнем,
Я все же остаюсь моей земле соратник,
И мне снится век, которым мы живем.

Живем мы по-советски, встречаем все рассветы
И внимаем даже напевы петухов,
А кто живет душой и мыслями поэта,
Будет жить и жизнью чувственных стихов».

Но это все Есенин со своим тридцатником,
Который в тридцать лет по свету походил,

Я же в свой тридцатник не стал ему соратником,
Я слесарным веком, своей «железкой» жил.

А на стихи налег я только лишь на пенсии,
Какая для стихов время выбирала,
Были они кислыми, солеными и пресными,
Но все же для стихов затравку мне давала.

Так вот и тусуюсь я с ношей поэтической,
Какая мне покоя и нынче не дает,
Мне люди говорят, что я поэт практический,
Хотя по мне восьмерка круглая идет.

Не знаю, что Есенин бы оставил белу свету,
Если бы он дожил до этих моих лет,
Книги его точно вместились бы в карету,
Поскольку это был-таки русский наш поэт.

И я тоже русский, советский дух имею,
Но я казахстанским воздухом дышу,
Есенинским талантом, видать, и я владею,
Хотя, как говорят, в стихах я вешаю «лапшу».

Не знаю, какова она, но говорят - съедобна,
Ее можно пожевать и даже вкусно съесть,
Не знаю, как читателю, а мне читать удобно,
Посколь в Карагандинской области новый поэт есть.

Как бы ни судили, а я себя читаю
И в стихах живую жизнь нахожу,
Где-то как поэта себя я почитаю,
Хотя и по есенинским тропам я хожу.

Есенин, правда, жил своим осенним светом,
Знал кабаки, гулянья, российскую гульбу,

И все ж он оставался прославленным поэтом,
Какой в стране советской вел с собой борьбу.

Конечно, уподобиться поэту я не смею -
На мне висит восьмерка, да с крутым нулем,
Однако я заряд Есенина имею,
Хотя мы с ним различными эпохами идем.

Поэт так свою жизнь и свое время отжил,
А я так по девятому десятнику иду,
Поэт лишь свой тридцатник в своей Рязани прожил,
А в Питере так вовсе нашел свою беду.

В Питере как раз поэта и не стало,
История так ведает - покончил он с собой,
Но версии подобной народ верит мало,
Не такая смерть писалась ему его судьбой.

Не ведаю, какие дни поэта ожидают,
Но только агадырского в его Агадыре,
Друзья-пенсионеры так добра желают
И новых книг желают в Агадыре-дыре.

Не хотят друзья, чтоб с женой мы умчались
На житье-бытье к детям на Алтай,
В Агадыре мы с женой когда-то повенчались,
Теперь он стал причалом, наш семейный рай.

Как-никак, а с женой мы-таки решили:
Будем в агадырской гавани век свой доживать,
Здесь по восьмидесятке крутой мы с ней прожили,
А дальше жизнь знает, взять с нас или дать.

Мы с женой почему-то себя огнем считаем,
А все как мы по жизни не тлеем, а горим,

От этого огня мы жизнь получаем,
А значит, мчать в небесье просто не хотим.

Все ж живу я мыслями моей страны, стихами,
А больше живу мыслями и роман родить,
Может, оттого и просыпаюсь с петухами,
Что они умеют жизнь свою любить.

А как мне не любить жизнь агадырскую,
Когда я шестьдесят годочков здесь живу?
Мне дома и улицы стали сердцу близкие,
Я по этим улицам и теперь плыву.

На них встречаю я знакомые мне лица,
Какие отчего-то приятны и светлы.
Может, оттого, что в доме есть водица
И детям они, старые, а все-таки нужны?

Как бы жизнь нас нынче ни крутила,
У каждого из нас есть дружба и мечта,
Есть в поселке свой отвага-заводила,
Который утверждает, что жизнь уже не та.

Не та, когда хватало и молока, и хлеба,
Когда простой автобус к работе подвозил,
Когда восхищались и спутником, и небом
И когда открылся новый магазин.

А потом открылся новый детский сад
И в строй вступила новая жилая трехэтажка,
Каждый агадырец этому был рад,
Рады были парни и всей душой милашки.

Ну, теперь уж точно им комнату дадут,
А для молодоженов так целую квартиру,

Вот тогда и можно рваться в институт
И петь дифирамбы своей стране и миру.

Не знаю, как другие, а я-таки пою
В честь Караганды и всей моей страны,
Я просто воспеваю родину мою
От Агадыря до самой Астаны.

5 апреля 2018 г.

ЕСЕНИНСКАЯ ВЕСНА

Весна и в дни Есенина не давала радость,
И нынешняя тоже ту радость не дает,
Я лишь вспоминаю свою былую молодость,
Какая лишь весною ко мне во сне идет.

А что вспоминается в мои былые годы?
Почему-то батя и матушка моя,
Какие меня брали с собой на огороды,
Какими жили мы и вся наша семья.

В весеннюю годину отец так брал лопату
И с ней соображал на огороде грядки,
А потом мы дома кружились до заката,
А это означало, что все у нас в порядке.

Так дни и бежали, пока не объявили,
Что началась какая-то с фашистами война,
На какой советские города бомбили
И от какой страдала вся русская страна.

Конечно, батюку тут же под ружье призывали,
Как и прочий боевой аульный наш народ,

В машины посадили и в Акмолу угнали,
Где их и готовили в воинственный поход.

Годы шли-бежали, а война кружилась,
Она блуждала где-то под самой Москвой,
Она до Волги-матушки даже докатилась,
А это заставляло идти на смертный бой.

И, конечно, шли мы и фашистов били,
Да так, что он пред нами на колени встал,
Мы в самом Рейхстаге гроб им сколотили,
А кто это сделал, взошел на пьедестал.

Война как есть закончилась, а батя не вернулся,
Как и миллионы и тысячи других...
Такое мне приснилось - я лишь теперь проснулся
В хате моей доброй, в стенах дорогих.

Случился этот сон нынешней весною,
Как и в дни Есенина, он радость не принес,
Но он остается и по сей день со мною,
Наверно, чтоб в стихах до вас я его донес.

7 апреля 2018 г.

МОЙ ПРАЗДНИЧНЫЙ ЗАСКОК

Нынче шибануло восьмое апреля -
День опять без тепла и солнца,
Бабки меж собою о том загалдели
У нашего обычного, привычного колодца.

Старожилы по-своему ведают свету,
Что колодец у них так мудрец-молодец,

Он воду дает даже местным поэтам
И дружбой скрепляет плеяду сердец.

А все как вода в колодце святая,
Какой-то священник ее освятил,
Она, по поверью, и правда живая,
В ней, говорят, Господь руки мочил.

В зиму водица в колодце живая,
В зиму морозы ее не берут,
Оттого люди здесь до ста лет доживают
И колодцу сему поклоненья несут.

А наша деревня совсем небольшая,
На вид так не больше полсотни дворов,
Народ поживает, другим не мешая,
С этой водой так каждый здоров.

Сегодня же выпал день чисто пасхальный,
Деревенский народ так кругом на виду,
Шагает он в дом молебный реальный,
Куда и я тоже торопко иду.

Иду, а креститься я все ж не умею,
Однако со всеми усердно крещусь,
Может, крещеньем я все ж себя грею,
А больше стихами своими влекусь.

Не знаю, не ведаю, кто тут подмога -
Молитвенный дом иль святая вода,
Мне же к стихам нужна скатерть-дорога
В любую неделю, сегодня, всегда.

Мне бы хотелось поэтом родиться
И, как Есенин, поэзией жить,

И, как Есенин, у жизни учиться
И этою жизнью всегда дорожить.

Но дорожить ею свет не умеет,
Как не умел дорожить Маяковский
И Есенин, и тот же Фадеев,
Ну и тот же поэт Заболоцкий.

Не Есенин я с Маяковским
И, конечно, не вечный Абай,
Но стихи их живут во мне броско,
Как стихотворною накипью шахтерский мой край.

Я хотел бы по жизни шагать
До девяности, но действенных лет
И свои книги в упор целовать,
Потому как я все же поэт.

И живу не в кипучем поселке,
А в спокойной душевной тиши,
Где отары вдали на пригорке
И отрада для всякой души.

Нет у нас городского движения
И нет тех же безумных машин,
Что находит в стихах отражение -
Ими я, как всегда, дорожил.

Мне в поселке моем радостно пишется.
Может, то, что сирень у окна,
Какая с ветром и с песней колышется
И какая напев ей дала?

Тут Есенин на пробу, бесспорно,
У сирени моей побывал

И свой стих на природу упорно
И даже в мой Агадырь выдавал.

А я тоже в стихах не теряюсь,
Тоже что-то свое выдаю,
Со стихами, как водится, маюсь,
Но в них я вижу и душу мою.

В них я вижу страны отражение,
Ее твердый классический шаг,
Мировое же к ней уважение,
Где казахстанец - хозяин и маг.

8-9 апреля 2018 г.

ЕСЕНИНСКИЕ РАССТАВАНИЯ

Немало лет с Есениным дружу я и кучкуюсь,
Что-то из его стихов полезное беру,
С некими стихами так вообще брачуюсь
И говорю Есенину: о жизни я не вру.

В былые мои годы, когда мне было двадцать,
Встреч с юными красотками я сроду не имел,
Хотя и был от роду лихой мужской породы,
Крутился в коллективах, задирист был и смел.

Мог за любую кралою, коль надо, заступиться,
Но чтобы целоваться - Боже упаси!
Я мог на любую деваху покоситься,
Но чтоб проводить ее - лучше не проси.

А все как меня матушка по-своему учила
И говорила, что батяня мой был у нее один,
Она его с семнадцати годиков любила,
А после он в семействе стал главный господин.

Работал он в совхозе главным трактористом,
От какого матушка аж троих родила,
На войне так батяня мой был лихим танкистом,
Какого она всю войну по-честному ждала.

Война так завершилась, а батяня не вернулся,
Как водится солдату, он голову сложил,
Писали, что он с танком в Днепр окупился,
Хотя усердно Родине и полку служил.

«Так что, сын, пытайся жить по отцовской крови,
Коль найдешь подружку, так найди одну,
Пусть тебе повсюду сводят глазки, брови,
Но ты с одной-единственной пойдешь даже ко дну.

Не смотри на нынешних, какие в жизнь играют
И себя на откуп той жизни отдают,
Подружек, как перчатки, они в игре меняют
И по жизни просто играючи идут.

Отец твой и в двадцатник был как муж серьезный,
Он наши кургальджинские пашни все пахал,
Был он трактористом собственным совхозным,
Который на работе лишь и отдыхал.

Вот и ты, сынок, учись у батяни делу,
Его школу жизни покрепче постигай,
За новую идею так хватайся смело,
Коль она полезна, так в жизнь и внедряй».

Да, мамуля, все так и получилось:
Выбрал я профессию, выбрал и жену,
Ко мне подкатило, что и во сне не снилось -
Жизнь на меня нагнала Есенина волну.

Но, что интересно, мне никто не пишет
И никто не спросит: «Вы живы? Как дела?»
У нас английский ветер морскую гладь колышет,
Я английской жизни себя так отдала.

А мне так вспоминаются в России наши встречи,
Я это говорю вам в своих скупых строках,
Нынче я от вас, друг, в чужой стране далече,
Где всегда встречаю любой российский флаг.

Вы теперь в России, как говорит история,
Это и для Англии тоже не секрет,
Не секрет для прочей русской акватории,
Что вы есть в России известный всем поэт.

Прежде я поэтики в вас не замечала,
Теперь мне ваша жизнь приятна и ясна,
Теперь я, Анна Снегина, по-новой вас узнала,
Вы мне милы, как родина, как жизнь и весна».

Да, таких писулек мне сроду не писали,
Поскольку свет не ведал, как мне написать.
Холостяки в общаге, мы дни свои бросали,
Чтоб стопарик хряпнуть, а там и поплясать.

Ну, а после, други, я женкой обзавелся,
Родили мы сыночка, сейчас ему полста,
На «дембеле» зачем-то я в Есенина уперся,
В издательстве мне молвят, что я поэтом стал.

Наверное, и правда Пушкин прорезается,
А где-то и Есенин кружится во мне,
Во мне Онегин тоже часто кувыркается,
А Есенин снится даже и во сне.

Как-никак, а с Пушкиным я общаюсь тоже,
Читал его «Онегина» и все, что он писал,
Возможно, мое что-то было с его схожим,
Поскольку каждый стих свой я тщательно тесал.

Не знаю, почему меня Пушкин донимает,
А с ним и Есенин свой вбивает клин,
Меня в миру читатель не ведает, не знает,
За что готов расстаться с ним, как и с Есениным моим.

12 апреля 2018 г.

И СНОВА ЕСЕНИН СО МНОЙ

Когда на вас опустится глубокая грустинка,
Налягте на Есенина и его стихи,
В них вы усечете добрые картинки,
Они всегда живые, без всякой чепухи.

Скажем, вот такое: «Влюблен я в этот вечер,
Что-то есть про сердце и какой-то дол,
А шалун-ветрило так по самы плечи
На березке утренней заголил подол».

Еще же у поэта листва золотая
Светилась на водице в запруженном пруду,
Тут же даже бабочки носились своей стаей,
Выбирая, на какую им лететь звезду.

Не знаю, как вам, друга, подойдет Есенин,
Только я с Сергеем даже пью чай,
Я тянусь к нему по-дружески, без лени,
И тут же в свет бросаю и стихи свои.

Меня прочесть не может читатель посторонний,
Чтоб меня прочесть, мне надо выйти в свет,
Я вовсе не Есенин, я есть односторонний,
Всего лишь начинающий маленький поэт.

Не знаю, как там было в есенинское время,
Ведь поэт потопал всего лишь тридцать лет,
Но он оставил миру есенинское семя,
Посколь он был в России свой собственный поэт.

Хотелось бы и мне стать таким поэтом,
И чтобы обо мне гутарил белый свет,
Только у меня, друзья, скажу вам по секрету,
Подобного таланта не было и нет.

Но во мне теснится к моим стихам надежда,
Какую остается очень долго ждать,
По сути, к стихотворству я истинный невежда,
Посколь могу лишь крохи складные рождать.

Меня так упрекают друзья-пенсионеры,
Что я на Есенина слишком налегаю:
Неужто нет других признанных примеров,
Или я других поэтов не читаю?

Конечно, отвечаю, я и других читаю,
Но ведь у Есенина особая душа!
Есенинские книги я попросту глотаю,
Посколь в них природа России хороша.

Если оглянуться - избы приземленные,
Хомутовый запах и лампы свет,
Дворики с дворами без строек, оголенные,
Нет у них сараев и огородов нет.

А все как был на свете черный день России,
Посколь на ней буровили октябрьские дни,
Люди революции в себе Октябрь носили,
И залп «Авроры» тоже приняли они.

Ну, а после, ясно, были битвы разные -
С махновцами, с Юденичем и с тем же Колчаком,
Тогда дни забывались воскресные и праздные,
Посольку себя каждый считал большевиком.

Есенин революцию так душой приветствовал,
К тому ж большевиков и их полет любил,
Он писал о них серьезно и ответственно,
Поскольку он рязанским, своим поэтом был.

Есенин все же верил, что он свой поэт,
Что такое Русь и что такое слава..
Дальше говорить я просто не берусь,
Поскольку это будет и моя отравка.

А поэт так говорил, что он-таки поэт,
Стихи он прижимает к своей уставшей длани,
И если он-таки помрет, то скажет все же: «Нет!
Не ставьте, дорогие, мне памятник в Рязани!»

Но нынче такой памятник в Рязани все же есть,
Есенину потомки цену все же знали,
Рязанцы воздают поэту свою честь,
Достойным своим людям и прежде отдавали.

Рязанцам я так лично за это поклонюсь,
Я кланяюсь Есенину своей душой поэта,
Есенина любила большая наша Русь,
Признаемся, такой любви теперь в народе нету.

Теперь мы видим искоса: народ у нас не тот,
Он на Интернет, а не на книги давит,
Он больше Интернету заглядывает в рот
И что-то несуразное в себе и в людях славит.

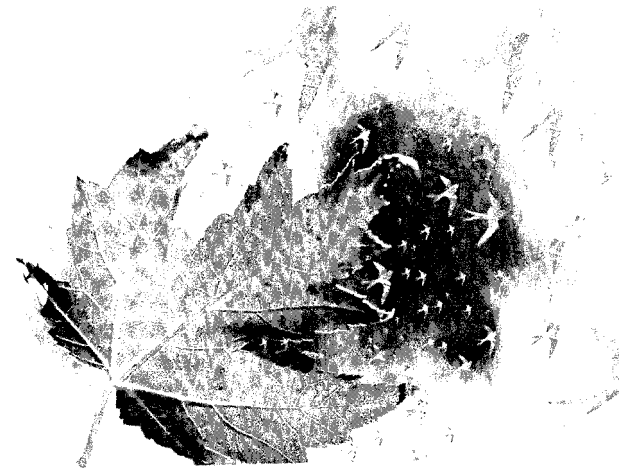
А поэтов мир им неинтересен,
Притом таких далеких, как Сергей Есенин,
Им не до поэтов, их стихов и песен,
Он чуждым остается, как и тот же Ленин.

4 мая 2018 г.

Часть 2

Стихи, стихи, где ваша сладость?

О «ПЕНСИОННОЙ ГАЗЕТЕ»

На почте я усек «Пенсионную газету»:
Как она в поселок издали попала?
Не ведаю таких я жизненных секретов,
Страсть моя к газете зажглась, а не пропала.

Раскрываю первое с текстом и портретом:
Господи, так это же пишут обо мне!
К тому же называют писателем-поэтом,
Так я и правда стану известен всей стране.

А я поэт-писатель только по названию.
На деле ж я обычный горбатый дедуган,
Однако я пишу душою по призванию
И писанину жуткую прячу в балаган.

А потом несу в редакцию к издателям,
Какие хоть неохотно, а меня встречают
И даже по-серьезному зовут меня писателем,
Отчего и тиснуть меня обещают.

И правда, напечатали двенадцать моих книжек
И даже нарекли меня, что я есть талант,
А я-таки пишу без жизненных подвижек,
Без всяких понуканий, просто наугад.

Просыпаюсь ночью, а мысль мне диктует,
Бью я свою голову, а все равно пишу.
Утром так читаю: мысли не ворую?
Нет, выдаю крученую слепцовскую «лапшу».

В редакции глаголят: стряпать меня можно,
В книгах моих видятся ниточка и соль.

К жизни отношусь я очень осторожно,
А это у писателя своя судьба и боль.

«Газете пенсионной» я кланяюсь преклонно,
Мне это простительно, ведь я старик лихой,
Меня-таки печатают от души, законно,
А это означает, поэт я не сухой.

19 января 2018 г.

* * *

Вот смотрю я на людей - в них моя эпоха!
Жизнь моя, моей семьи, моего поселка.
Жили мы по-разному - хорошо и плохо,
Было нам и мягко, а то и вовсе колко.

А вот нынче наступил новый год Собаки,
Фактический две тысячи даже восемнадцать,
Будет год суровый или забиякой,
Можно только думать или догадаться.

Этот год астрологи видят величавым,
Казахстану в этот год и вовсе подфартит,
Он будет пожинать приветствия и славу
И, может, даже в космос с другими полетит.

Как бы наша жизнь победно ни катилась
И казахстанцы стали жить довольно хорошо,
А столица новая ярко засветилась -
Казахстан по миру передовым пошел.

В ее столице мировое «ЭКСПО» состоялось,
Где все страны мира себя показали.
Что они настроили, в столице и осталось,
Они на мир взглянуть Казахстану дали.

22 января 2018 г.

Мои пенсионные давние друзья
Со мной уж пятилетку просто не в ладу,
Я для них стал дедом и даже забиякой,
Поскольку на их сходку, как было, не иду.

А не иду - у них привычка тусоваться
Где-то у сараев или в гараже,
Где они с бутылкой готовы целоваться,
Какая меня мутит, и я в мандраже.

А все как я с «родимой» взял да распрощался,
Какая меня прежде, как многих, доставала.
Бывало, я с бутылкой, как с женой, целовался,
И она как будто силу мне давала.

Я так был готов на подвиги любые,
Любого от несчастий готов был защищать,
Под хмельком мы вообще были боевые,
Такая была наша подвыпившая рать.

Пред «дембелем» не раз соображал уныло:
Что же ты, прореха, себя не бережешь?
Смотри, ведь у тебя не лицо, а рыло,
С ним детей пугать ты по миру пойдешь.

Вот уж пятилетка, как я вина не знаю,
А на «косорыловку» и вовсе не смотрю,
Праздники любые с чаем я встречаю,
Ну, а сигареты так вовсе не курю.

Завязал я с куревом, завязал с водярой,
Оттого среди друзей числюсь трын-трава,
Со мною ни один не хочет идти парой,
Поскольку у меня тупая голова.

Так вот в одиночестве я время коротаю,
Женка моя лучшая для меня компания,
В этом одиночестве стихи я сочиняю,
А жизнь так дает напутствия и знания.

24 января 2018 г.

О МОЕМ ВАСЬКЕ

Мне общаться с собакой приходится,
Что у нас во дворе в конуре,
Она дружбой со мною обходится,
Но не рада чужой детворе.

Она лает на них и бросается,
Только цепь ее к ним не пускает,
Пес с другою собакою кусается,
Она сучкой-подругой является.

В год текущий собаки не злые:
То ли время влияет на них,
То ли люди к ним стали скупые
И щедрее для кошек своих.

Моя котяра и вовсе сдружился
И со мной, и с моими стихами,
Он, наверно, в них правда влюбился -
Я и впрямь их пишу с петухами.

А утрами их Ваське читаю,
Своему дорогому коту,
Что он понял - по сути, не знаю.
Он нашел в них любовь, доброту?

Или просто доволен судьбою:
Он ухожен, накормлен, согрет,
Ему просто приятно со мною,
Ко мне претензий у Василия нет.

Он к тому же в ногах кувывается,
Мне приятно - он их согревает,
На стихи ж мои он откликается
И мурлычет и тихо зевает.

А чего? Васька мой забубенный,
Он шесть классов окончил свои,
А к стихам так моим откровенный,
Он в них видит наметки любви

И к моей Гульчатай, и к соседям,
К нашим детям, к друзьям-зейнеткерам
Как и я, они лысые деды,
Что забыли, как быть кавалером.

У меня же любовь и к поселку,
Какой в свете зовут Агадырь,
Промолчать о нем будет неловко,
Для меня Агадырь - богатырь!

Он железной дорогой гордится,
Он железной дорогой живет,
Он железной дорогой стучится
В Астану, на Алтай, на восток.

Я ж с поселком, как с женкой, сроднился
На шесть круглых десятков годков,
Здесь мой сборник стихов появился,
Я с ним мчаться в столицу готов,

Чтоб его показать литераторам
Астаны и всего Казахстана:
Я поэт иль простой информатор,
Я поэтом когда-либо стану?

Иль останусь простым стихоплетом,
Каких нынче считать да считать,
Быть поэтом мне или пилотом,
Никогда мне каким не бывать?

Я о том же с котярой беседую,
Он лижет лапку и тихо мурлычет.
В стан поэтов я вряд ли последую,
Мой первый сборник о том же и хнычет:

«Ну какой ты поэт? Между прочим,
Тебе восьмерка скакнула с нулем.
Быть поэтом судьба напророчит,
Мы судьбу свою сами куем?»

Ну, не знаю, что будет со мною,
Каков будет мой творческий путь...
Со стихами я сплю, как с женою,
От стихов мне и впрямь не свернуть.

Хоть и долбанный я пенсионник,
А стихи меня все ж достают,
К ним мой Васька послушный поклонник,
Они жизнь сгинуть им не дадут.

28 января 2018 г.

МОБИЛЬНИЦКАЯ СИМФОНИЯ

Вот вы меня хоть в доску сырую зашибите,
А нынешнему веку я от души завидую:
Мобильники у каждого на всей земной планете.
Чего народ в тот давний век отродясь не видывал.

В мой век была суровая с фашистами война,
В которой мы семейно с мамашей голодали,
Недоедала в целом и вся наша страна -
Такие годы в нашей истории бывали.

Но годы те прошли, народы богатели,
Строились, дружили и шагнули в небо,
Как надо отогрелись, спали, вкусно ели,
Каждый мчал по свету, где от рожденья не был.

А все как появились на свете самолеты,
Они опережали даже скорость звука,
На них совершались безумные полеты -
Так шагнула на земле умная наука.

Вот и добралась она до человечьей связи,
Умней и оперативней которой в мире нет.
Старики так говорят: эту связь не сглазить,
Какую славят каждый, особенно поэт.

Смотрю на эту связь: мобильники у каждого,
У каждого прохожего, даже у детишек,
Эта связь повсюду - смелая, отважная,
С любой точкой на земле без чужих задвижек.

Хочешь говорить с Москвой, Осло иль Нью-Йорком?
Нажимай на кнопки и в небо говори,
Голос эти города не промчится боком,
Ты только свое сердце звонившим отвори.

Кто выдумал мобильник, достоин монумента
В любом городе Земли и в любой стране,
Нам, живым, не следует упускать момента,
Мобильник помнить будем, как помним о войне.

Как бы ни бывало, а война не забывается,
Хотя она народам лишь горе принесла,
Мобильник достижением и памятью является,
Его эпоха людям на радость родила.

* * *

Пять годков я с «белой», с «родимой» не родняюсь
И столько же годочков в рот капли не беру.
Не потому что я уже людей стесняюсь,
А боюсь лишь одного: проснусь ли поутру?

Бывают у нас случаи в Агадыре такие,
Когда мужчина пьяненький лег и не проснулся,
А все как любил пьянки шумные, лихие,
От которых в жизнь земную взял и окунулся.

Не желаю я себе такой подпитой жизни,
Потому с друзьями, как прежде, не кручусь,
Живу, как жил когда-то в хрущевском коммунизме,
А страну родную так знаю наизусть.

Мой Казахстан не тот, что был в миру когда-то,
Когда он жил Москвою и целиною жил,
Его люди нынче - истинные братья,
Он на это братство полжизни положил.

А на меня так положил писательскую ношу
И даже заставляет с Есениным дружить,
Перед ним не хочется садиться мне в калошу,
Мне хочется поэзию и родину любить.

Хочу я быть поэтом и крутым писателем ,
Хочу я также жить с есенинской душой,
Не хочу я числиться простым бумагомарателем
И пичкать мир читателей слепцовскою «лапшой».

Как бы мир ни жил, а я в него вторгаюсь,
Любуюсь его временем и его судьбой,
Народом Казахстана любовно восхищаюсь,
Чего не позволяю делать я с собой.

Хотя и неизвестный я обществу писатель,
Однако аж двенадцать я книжек написал,
А это значит, я писатель и мечтатель,
Который под Есенина и Пушкина плясал.

А что тут не плясать, коль они живые
Вечно в моей памяти и в душе моей?
Мы сегодня, правда, вовсе не такие,
Мы плохо ценим жизнь и не дружим с ней.

* * *

От телефона старого мы с женкой отказались -
Надоело нам цифирки крутилкой набирать,
Нынче переносные крутые появились,
О каких не менее как надо в свет писать.

Зазвонил наш кнопочный - женка тут как тут:
С зарядника снимает и ходит по избе,
Не нужен для общения особый институт.
Не нужно приловчаться и к какой-нибудь борьбе.

Хочешь вызвать белый свет? Бери да набирай
Нужные цифирки ручного телефона,
Они достанут на земле любой земельный край
От президента, пахаря, простого почтальона.

Телефон переносной с кнопками, окошком,
Какое под руками цифрами горит,
Коль тебе позвонять - расставайся с кошкой,
Хватай трубку в руки, она заговорит.

Нынче телефон, мобильник, ноутбуки
Придумал-изобрел человек Земли,
Они бьются в облака и рожают звуки,
Предки наши сделать такое не могли.

Нынче человеку надо поклониться:
Он стал умнее Бога и всех всевышних сил,
Эпоха наша может человеком погордиться -
В себе он силы космоса и Земли носил.

И сегодня их несет в душе, в уме и в сердце,
А потом сливает людям на мировой волне,
Иногда со сладостью, иногда и с перцем -
Такое жизнь видела теперь и в старине.

31 январь 2018 г.

ПОКЛОН «КЛАССИКУ»

Судите не судите, а «Классик» я люблю,
Он меня читает и даже издает,
Себя так я равняю седому кораблю,
На творческой волне он качаясь, но плывет.

Творчество для старика - жизнь такое знает,
Стихами нынче старики тоже забавляются,
Их к стихам и прозе жизнь понукает:
Творчество сегодня и молодых касается.

Вот Козырева Андрея в «Просторе» я усек:
Господи, ему-то только тридцать лет,
А он своей поэтикой дает мне свой урок -
Таких талантов у меня не было и нет.

Ему только тридцатник, а у него семь книг
И в журналах разных море публикаций,
Такого достижения ум мой не достиг,
Хотя я и пытаюсь идти на апробации.

Я так в тридцать лет лишь тепловозы шарил,
Шарил по-стахановский аж все три пятилетки,
Его все ресиверы стойчески я жарил,
Превращая жизнь их истинно в конфетку.

А потом на двадцать лет в снабжение затерся,
Снабженческую лямку до «дембеля» тянул,
В железную дорогу лбом я навсегда уперся,
В Акмолинском ЖУ ей тогда я присягнул.

Сорок лет «железке» душой я отслужил,
Не теряя звания советского рабочего,
Свою работу я любил, ею дорожил,
Так, видно, мне судьбой было напророчено.

Теперь вот двадцать лет я «дембелю» служу,
А женка так и вовсе круглых двадцать пять,
По годам минувшим я вовсе не тужу,
Только о них хочется что-то написать.

Что-то вспоминаю из прошлого, забытого:
Училищные годы, «железку», Агадырь,
Годы то далекие стали мне открытыми,
Только я не Козырев и не богатырь.

Козырев, конечно, богатырь по-своему,
Его Москва печатала, Омск и Астана,
Красноярск, Новосибирск, Барнаул с Херсоном,
А это значит, прежняя советская страна.

И это в тридцать лет! Счастливая судьбина,
Чему попечитель истинный талант.
Мне б достичь такого хоть наполовину,
Но не того посоло я, не тем я, брат, богат.

Я тоже писаниной своею занимаюсь,
Прозу сочиняю, ляпаю стихи,
Но с большой поэзией, как Козырев, не знаюсь,
Моя писанина достойна лишь трухи.

Хотелось, чтоб меня журнал «Простор» заметил,
А это значит, тысяча читателей прочтет,
Хочу остаться я в «Просторе» на примете,
Может, и меня он поставит на учет.

И, может, даже тиснет незваного пришельца
Парою страничек прозы иль стиха,
А может, пропесочит казахстанским перцем
И разнесет Слепцова по-русски, в потроха.

Конечно, я любому разносу подчинюсь
И совет «просторненцев» на ус свой намотаю,
Может, я в поэты вовсе не гожусь,
Поскольку из него вот это истекает.

А куда деваться, коль стихи бегут
и даже, паразиты, во сне одолевают?
С ними бы покончить и сказать: «Капут»,
Так они, как кажется, мне жизнь продлевают.

В восьмерку мою круглую пора бы завязать
Со стихами, с прозой, с прочей писаниной,
Надо как-то старику себя в руки взять
И не надо делать свою жизнь длинной.

До Зельдина Владимира мне не дотянуть,
А с восьмеркой круглой я покувыркался,
Прожитые годы смог сам в себя воткнуть,
С этим багажом в «Классик» и подался.

«Классик», как я вижу, мимо не проходит,
Мимо тех, кто первый стих свой начинает,
Он таких поэтов по страницам водит
И писать в дальнейшем в «Классик» приглашает.

«Классик» так советует, как держать перо
И как надо пишущим в людскую жизнь вторгаться,
Вешать лапшу на уши умели мы давно,
А этого бы надо всегда остерегаться.

Читатель нынче не простак, он с душой Белинского,
Наносность и порнуху он с ходу же раскрутит,
Он жизнь, как есть, определит далекую и близкую
И героев близких в свое сердце впустит.

Как бы мир издательский сегодня ни живал,
Издательскому «Классику» я низко поклонюсь,
Он моих двенадцать сборников издал,
Какие я целую, какими и горжусь.

С творчеством завязывать я не обещаю,
За эту непослушность хоть в Каркаралинск ушлите,
Стихи мои и проза еще не обветшали,
Так что я на стремени, я - поэт, учтите.

Душа поэта не должна киснуть и молчать,
Она должна и с жизнью, и с людьми общаться,
О негативах жизни она должна кричать,
И с людьми достойными надо ей встречаться.

А люди - это мы, наш век и наши дети,
Это наши улицы, поселки, города,
Это все, что есть на этом белом свете,
Было, есть и будет сегодня и всегда.

1-2 февраля 2018 г.

* * *

Засиделись с бабкой и заговорились,
А телек разудалый качал свои права,
По экрану лошади цыганские носились,
Цыгане им шептали заветные слова.

Цыган безлошадный - это не цыган,
Это или бомж, или бедняк отпетый,
Цыган безлошадный - площадный хулиган,
Хотя он и с гитарой, хотя и разодетый.

Фильм о цыганском счастье что-то говорил:
Цыгане все ж умеют работать и гадать,
У них на все хватает мужества и сил,
Они готовы бедному последний грош отдать.

У нас живет поверье - цыган всегда обманет,
Особенно цыганки этим увлекаются,

Они горы всякого натреплют, нагадают,
За свои заслуги на денежки бросаются.

Цыганки от природы любят погадать,
А наши женщины хотят, чтоб им погадали,
За то, что ждет их впереди, готовы все отдать,
Да, бывало, многое им и отдавали.

Кто нашу женщину в миру осудит за такое?
Ведь ее под пытками к тому не принуждали,
У нее сознание, как есть, было живое,
Ну, а что цыганки им за деньги нагадали...

Об этом пусть природа в людях разбирается,
Может быть, она что-то в них поймет,
Что ни говорите, а жизнь продолжается,
Она свою судьбу кому-то принесет.

Какою она будет - жизнь распорядится,
Цыганское гаданье никак тут не поможет,
Человек сам лично к счастью стремится,
Хотя жизнь по-своему его гнетет и гложет.

А я, наверно, счастья своего добился,
Его найти мне «Классик» по-своему помог,
Выйти в свет писателем я давно стремился,
Но до пенсионной заводи узреть тот свет не смог.

Благо, дом издательства «Классик» появился,
Он в агадырской заводи писателя усек,
Он поведал области: писатель родился,
Хотя в свой заскорузлый хоттабычевский срок.

Правда, я и есть долбаный Хоттабыч,
Меня моя восьмерка через колено гнет,

Хоть я сопротивляюсь и брыкаюсь аж навзничь,
Творческая мысль мне падать не дает.

Я стихи и прозу из космоса хватаю,
А космос - что во мне и вокруг меня,
Этот космос я так в книги вовлекаю,
Без этого, по сути, я не живу и дня.

А карагандинский «Классик» приметил агадырца,
Приметил его книги, в каких есть жизнь своя,
В каких есть интересные жизненные лица,
А это агадырские трудяги и друзья.

Писатель с ними жил, делил даже корку,
Но сорок лет «железке» любимой посвятил,
В трудные года не влезал он в норку,
«Железке» и на «дембеле» он преданно служил.

Об этом говорят его стихи и проза,
О том его все книги в свете говорят,
О том повествуют его клен с березой,
Какие посадил он у окошка в ряд.

Эти клен с березой его жизнь крышуют
И даже стимул жизни какой-то придают,
Может, где-то страсти по миру бушуют,
Но там, где клен с березой, они не пройдут.

4 февраля 2018 г.

Моя бабка как-то внучке говорила:
«Не скажи подружке, а скажи подушке,
Подушке жизнь поведаешь, для нее - могила,
А подружка станет истинной болтушкой.

О тебе она всю небыль-быль расскажет,
Понесет, что жизнь твоя у тебя не ладится,
Тебя невезучей, затурканной покажет
И что ты с любовью не можешь даже справиться.

А ему ведь только-только двадцать лет,
Отслужил «военку», работает на стройке,
Правда, у него родных не было и нет,
Его будто бы нашли где-то на помойке.

Подружек, внучка, надо умело выбирать,
Подгадывай, как ты, равную тебе,
Может, после этого не будешь ты страдать,
И тебе не надо готовиться к борьбе».

4 февраля 2018 г.

* * *

Бабка говорит: «Нынче понедельник,
А значит, день тяжелый для людей мирских.
Вот ты пенсионер, а значит, ты бездельник,
Ты даже о пиратах не ведаешь морских.

В другие дни ты просто ими увлекаешься
И, как шестиклассник, с ними на плаву,
На корабли богатых с ними ты бросаешься
И со всеми славишь своего главу.

А потом со всеми вы делите добычу,
Глава распоряжается - поровну для всех...
Я тебе в который раз чай с картошкой тычу,
Но ты живешь пиратами, жизнью их утех.

Нынче пятое февраля, день и впрямь тяжелый -
В соседнем доме, говорят, перехватило воду,

Жильцы так ищут классного слесаря Акжолы,
У какого знатная слесарная природа.

И все-таки Акжолы в кафешке отыскали,
Он все работы выполнил и попросил пузырь,
Ему и на второй пузырь щедро набросали.
Ну что пузырь в сравнении, Акжол ведь богатырь!»

5 февраля 2018 г.

* * *

Мне сегодня что-то немного загрустилось,
Может, оттого, что стукнула восьмерка?
Отродясь мне мертвецы никогда не снились,
А тут вдруг навалилась на старика морока.

Вот и гадай, к чему тот красный гроб приснился
И покойник долбаный, который в нем лежал...
Я отродясь с гробами не знал, не возился
И не ведал, как покойника он того зажал.

Надо бы бабулькам сон сей рассказать,
Они народ бывалый и все мне растолкуют.
Покойник - это надо кого-то поминать,
Какого уже нет и о ком толкуют?

Были у меня хорошие друзья,
Но они до десяти восьмерок не дожили,
На своих восьмерках кувыркаюсь я,
Восьмерки эти хорошо мне в жизни послужили.

Учился в школе и в ЖУ, и в КазГУ учился,
Дороге сверх железной так сорок лет отдал,
Никогда в начальство пробиться не стремился,
Был простым рабочим и этим не страдал.

Был отменным слесарем и простым снабженцем,
Железную дорогу лелеял и любил,
Она меня кормила - где сладостно, где с перцем,
И все равно пред нею на цыпочках ходил.

Дорога меня тоже как-то обнимала,
Время подросло - на «дембель» проводила,
Меня и на «дембелюхе» она не забывала
И даже придавала творческие силы.

Вот так о железнодорожниках я что-то да пишу
И даже наострился о них писать роман,
Не ведаю, в какую он ударится «лапшу»,
Только не хотелось бы, чтоб был роман жаман.

Люд железнодорожный достоин восхищенья,
Поскольку это все же боевой народ,
Он достоин у страны большого восхожденья,
Поскольку он везет страну только лишь вперед.

У Казахстана нашего великие задачи,
Какие он обязан по-своему решать,
Решать задачи будем, а не на мир судачить,
Есть у нас для этого трудовая рать.

7 февраля 2018 г.

ВОСЬМИМАРТОВСКИЕ ПОВЕТРИЯ

Сегодня женский день - ну, 8 Марта,
Я с ним жену поздравил и стих ей написал,
А она так сделала аж целых три салата,
А мой кот Васяра кошачий вальс сплясал.

Кот мой Васька, правда, ко всему способный,
Посколь он даже слушает мои стихи в ногах,
На стихах я делаю старческую пробу
Посколь я перед ними остаюсь в долгах.

Не знаю почему, но в февраль морозный
Я ни единой строчки стихотворной не усек.
Упрекнул себя: да сторож ты колхозный,
Какой от литературы мчится наутек!

И правда, почему-то просто не писалось,
И стихи, как прежде, в голову не шли,
На поверку с виду так точно получалось,
Что они другого писателя нашли.

Да и кот со мною перестал ластиться
И даже согреваться у колен моих,
А прежде я котярой мог и погордиться,
Посколь он часто слушал и мой мурлыкал стих.

Я почему-то понял, что мой кот ученый,
Он шесть классов кончил, а может быть, и семь,
Вижу, без стихов моих он тоже огорченный,
Как и я, опущенный, затурканный совсем.

Нынче же в весенний день 8 Марта
Стихи меня достали, достали и кота,
До такого близкого мне песенного старта
Меня в свет не тащила ни одна моя черта.

Может быть, и правда мне женский день диктует
Братся за стихи и за литературу,
Этот стих сегодня мною и колдует,
Он, видать, поможет мне взлететь на верхотуру.

Ну, а кому, скажите, не хочется прославиться?
Таких людей на свете просто не бывает.
Как-никак, мне хочется читателю понравиться,
Который агадырца все-таки читает.

А этот агадырец - простой чернорабочий,
А на «дембель» он снабженцем уходил,
Который и рабочим писал про кари очи,
Вообще стихами и литературой жил.

Ими и теперь я живу и поживаю,
Им я подчиняю жизнь и свою судьбу,
Сколь сие продлится, я истинно не знаю,
Но писать я буду, наверно, и в гробу.

Мне как поэту хочется видеть пульс страны
И знать, кто этот пульс своею жизнью движет,
Эти люди часто просто неизвестны,
Но о них так говорят и пишут много книжек.

Что-то и свое в свет выпустил и я,
Писал о железнодорожном боевом народе,
Здесь были мои слесари и все мои друзья,
Какие не мечтали о деньгах и доходе.

Тогда, в целинный век, мы думали о хлебе
И о том, как больше бы нам друзей иметь,
О том, чтоб солнце каждому улыбалось с неба
И чтоб оно умело каждого согреть.

И вроде мы такого как-то добивались,
Всем страдальцам на земле руку подавали,
Никогда не спорили и никогда не дрались,
Бывало, что последнее другу отдавали.

Что ни говорите, а век тот был другой,
Хрущев так коммунизмом его называл,
Век тот еще не был на миру благой,
Но в Союзе нашем надежду он давал.

В этом веке я с целиной спознался,
А потом «железка» меня к рукам прибрала,
На «железке» я героем оказался,
В целом мне она-таки многое давала.

Не знаю, как бы жизнь моя по свету ни водила,
Только я на старости в стихи свои ударился,
Они давали и дают мне мудрость, дух и силы,
Хотя я между ними все-таки состарился.

Мне вчера, седьмого, стукнул восемнадцатый -
Ну, конечно, казахстанский наш добрый новый год.
Конечно, дорогие, надо догадаться:
Мне стукнул восемнадцатый, но наоборот.

Так что, дорогие, я вслух вам объявляю,
Что я по девятому десятку все ж иду,
На десятке этом стихи я сочиняю,
Не ведая, куда они меня и стих мой приведут.

Единственно, чего хотелось бы, так чтоб меня читали
В Агадыре, по области, в самой Караганде,
Просто бы хотелось, чтоб Слепцова знали
И во всей нашей казахстанской стороне.

Но как быть известным, по каким читалкам,
Когда книжка каждая всего лишь в двадцать штук?
Меня не сохраняют в столах, на книжных полках,
Тогда как мой читатель - мой самый близкий друг.

Я о нем пишу, и я о нем читаю,
Я знаю его жизнь и его судьбу,
Я вообще его жизнь почитаю
И хочу, чтоб меня помнили даже и в гробу.

Когда сей миг настанет, я не представляю,
Девятая ж десятка - то вам не трын-трава,
На ней сегодня я не слишком погуляю,
Видать, то не позволит седая голова.

Пока она сегодня лишь со стихами водит,
Какие я читателю с любовью отдаю,
Меня она, по сути, никуда не гонит,
Любовь же я к читателю так в сердце и храню.

Будет ли то делать мой дорогой читатель?
Скажу вам откровенно: я в то никак не верю,
То, что я поэт, где-то и писатель,
Белый свет не знает, что для меня потеря.

А мне, друзья, поверьте, хочется светиться
И в моем поселке, и всей Караганды,
Хотелось, чтобы мной могли в Агадыре гордиться,
Читая мои книжки, все мои труды.

А их у меня вышло аж двенадцать,
Так что есть читателю к чему приложиться,
Мне приятно книгами моими заниматься,
Даже пред читателем приятно погордиться.

Ну, а читатель, знаем, судья очень строгий,
Жизненные радости от него не скроешь,
Читатель шлет поклонны далеко немногим,
Он враз определяет, ты можешь быть поэтом
Иль вообще не можешь.

Что скажет обо мне мой дорогой читатель
Карагандинской области и Агадыря?
Только я скажу, что я есть писатель,
Мне и сегодня светит писательства заря.

8-9 марта 2018 г.

Взглянул я спозаранку на рассвет апрельский:
Ни тепла, ни солнца, к тому же выпал снег...
Может, оттого, что мой поселок сельский
И его тиранит зимы минувшей бег?

Из Караганды друзья мне как-то позвонили —
Снег у них все улицы, как в январе, замел,
В апреле и такое боги натворили,
Это уж и точно небесный произвол.

А город просто начал с заносами бороться,
Самосвалы выстроились в свой служебный ряд,
Конвейеры готовы просто расколоться,
Чтобы горожанин был чистоте той рад.

Снежные заносы все-таки убрали,
Улицы с машинами особо зацвели,
А горожане снова думал и-гадал и:
До чего ж заносы поселки довели?

Наверно, вновь весна с водою побратается
И безудержно рванется на всякое жилье,
Вода с домашней утварью, с домами кувыркается,
Губительное делая творчество свое.

Но весне, природе, тому же половодью
Мужество людское просто не сломать,

Оно всегда имелось у нас в стране, в народе,
Казахстан всегда умел природе фору дать.

Он умел с природою, как боец, бороться,
Если она слишком собою донимала,
Приходилось с нею всем острием колотиться,
И то не раз казалось, что было того мало.

Весенняя година с весеннею водою,
Бурной и шумящей, как горная река,
Была для кого-то сломленной судьбою,
А кого-то просто тронула слегка.

Кому-то повезло, а кого-то смыло
Со всей живою хатой и со всем скотом,
В Карагандинском крае такое было, было,
Какое будет помниться, наверно, и потом.

А что его не помнить, коль весна оставила
Без хлеба, без одежды, без кровного жилья?
Власть помощь неминуемо для человека правила,
Это люди видели, как видел то и я.

17 апреля 2018 г.

* * *

Мне нынче почему-то приснился Исаковский,
По сути, я не ведаю, к чему такие сны.
Поэт земли российской, для меня не свойский,
Его ж стихи и песни на всей земле слышны.

«Мы с тобою не дружили,
Не встречались по весне,
Но глаза твои большие
Не дают покоя мне...»

То было сказано подруге:
«Но должна же ты понять,
Я близ тебя хожу по кругу,
Надо что-то предпринять».

А поэта песня о каких-то птицах,
Какие улетают судьбу свою искать?
А я своей судьбою могу лишь погордиться -
Я со своей земли родной не стану улетать.

Я в своем Агадыре и крае агадырском
Проживаю ровно шестьдесят годков,
Для меня он родина и для сердца близкий,
Я живу его людьми и деповским гудком.

Депо меня когда-то по себе водило,
Водило, между прочим, аж кряду сорок лет,
Был я знатный слесарь, а не простой ветрило,
К тому же в нем родился и собственный поэт.

Не знаю, что бывало в прежние годочки,
Рождались ли и прежде до меня поэты.
В кадрах мне сказали: «Родился ты в сорочке -
В этой, поэтической, так что знай об этом!

До тебя депо у нас поэзии не знало,
И откуда в дни войны ей было явиться?
Оно жило войною, войною и дышало,
Стихами ей несвойственно было веселиться.

Ну, а после всех побед депо трудом дышало,
Была задача главная - поезда водить,
Поездам депо себя и дух свой отдавало,
Они и позволяли деповчанам жить.

Живет оно и нынче, но другой судьбою,
Стало много легче на свете белом жить,
Оно гордилось многими, гордилось и тобою,
Так что о депо своим можешь стих сложить».

Вот это я и делаю и для депо желаю
Блаженства и удачи, пусть будет над ним свет,
Пусть обо мне, о старом, старики судачат,
Только я остался деповской поэт.

21 апреля 2018 г.

О НАС И ЧАСТНИКЕ

Признаемся: сегодня мы к книгам равнодушны,
Не то, что было в наши двадцать-двадцать пять,
Мы просто нынче стали времени послушны,
Забывая ему что-то от себя отдать.

А были времена, мы день и ночь трудились,
Залечивая раны прошлых дней и лет,
Мы даже в своем возрасте грамоте учились,
Что заметил это даже и поэт.

Заметил, между прочим, известный Исаковский,
Который шел по полю вечернею порой,
Ему вторил по-своему и поэт Твардовский,
Какой ходил когда-то дорогой боевой.

Нынче я читаю обоих сих поэтов:
Ах, как богат талантами был минувший век!
Текущему же веку ну просто не до этого,
Поскольку в нем явился новый человек.

Этот человек не знал войны минувшей,
Он не голодал и не замерзал,
Нынче он делам своим и времени послушный,
Хотя по-настоящему с ними не дерзал.

А чего дерзать, коль повсюду частник,
Какой в дыру любую по нашей жизни влез?
Он для дел общественных редкий соучастник,
По их неполадкам он не роняет слез.

Есть в миру свои общественные власти,
Которым и намечена о стране забота,
Они, как видит свет, все козырной масти,
Готовые на всякую для людей работу.

Но не все и у властей сладко получается,
Бывает, жизнь по-своему по стране горчит,
Что-то не дается и сопротивляется,
Ну, а о победах хлопает и на весь свет кричит.

Нынче частный сектор с особою приметой:
Ему дела страны, что зайцу вырезвитель,
Об этом говорят писатели, поэты
И девяностолетний аксакал-воитель.

Он видит мир не тот - в нем нет огня, загадки,
Нет в нем пожеланий, надежды и мечты,
Он воспринимает любые неполадки,
Частник равнодушен и к деталям красоты.

Ему важно жить лишь своей эпохой,
Какая будет полнить лишь его казну,
Пусть кому-то будет хорошо и плохо,
А ему хотелось бы как жили в старину.

Были же когда-то помещики, купчихи,
Какие миром правила и своей судьбой.
Была в миру когда-то даже Салтычиха,
Какая не справлялась в жестокости с собой,

За что ее в России просто невзлюбили,
А царь так приказал убийцу расстрелять,
Но, видать, судьба ее по-своему водила -
Ее навек оставили тюремный суп хлебать.

Суп она и правда тридцать лет хлебала
И в тюремной камере тихонько померла,
Неведомо какую она жизнь искала,
Но за свою жестокость и жизнь отдала.

Нет, мир нынче не тот, это каждый знает,
Конечно, Салтычихи в миру перевелись,
Но салтычихин дух все-таки витает,
Стяжательство и взятки знают свою жизнь.

А все как правит балом неизменный частник,
А частное, то значит - все это, друг, мое!
Во всех проблемах жизни он основной участник,
Который больше ладит лишь свое житье.

Как-никак, а с частником приходится мириться:
Магазины, клубы - все в его руках,
Об эпоху частную ты можешь расшибиться
И все равно останешься у частника в долгах.

Хочешь жить на свете - так признавай эпоху,
Ну и с частным сектором тоже помирись,
Хорошо при нем или живется плохо,
Только все же это нынче наша жизнь.

22-23 апреля 2018 г.

АПРЕЛЬСКИЕ ЗАСКОКИ

Апрель двадцать пятый, а Агадырь мой кровный
С ног до головы снегом занесло,
Который лег на улицы рассыпчато и ровно -
Видно, у природы родное ремесло.

Зима никак не хочет с холодом расстаться,
Ей нравятся сугробы и реки холодить,
Она и впрямь Снегурочкой намерена остаться,
Ну, а Снегурку дети готовы век любить.

А апрель, однако, свое дело сделал:
Снежные заносы он тут же растопил,
Растопил без всякого, одержимо, смело,
Ручьи и лужи всюду в поселок запустил.

Что ж, народ и рад по этим топтать лужам,
Главное, их делает солнечный апрель,
Прежде доставали и дожди, и стужа,
О чем грустила у окна моя седая ель.

Ель была до этого в праздничном наряде,
И тут снег внезапный в седину одел,
Ель моя сегодня совсем не на параде,
У меня со снегом и с елью много дел.

Снежные заносы, да еще в апреле,
Тут природа что-то начала мудрить.
Мы на апрель и солнце радостно глядели,
Они позволяют людям с мечтой и небом жить.

По телеку сказали: с природой не шутите,
Она вас за минуты может обмануть,

Даже и в апреле раздетым не ходите,
Поскольку апрель может холодом пугнуть.

Видим мы по телеку снежные заносы
В городах России и за рубежом,
Человек шубейку еще рано сбросил,
А шофер занялся просевшим гаражом.

Нынче у природы есть свои законы,
Снег достать нас может даже в сентябре,
Был такой однажды сентябрь одинокий,
Легший снегом на дома, на плечи во дворе.

Ну, а агадырский снег тут же и растаял
И целыми потоками по улицам бежал,
Оттого, быть может, и мой Пират не лаял,
Когда его я в будку без воды сажал.

О ВОИНЕ И МИРЕ

Мы сегодня с женкой гутарили о жизни -
Как-никак, а восемь лет с нулевкой разменяли.
Жили мы при Сталине и при коммунизме
И депо родному по сорок лет отдали.

А в него-то мы пришли как ни есть юнцами,
Но оно нас приняло и дело нам нашло,
Много лет трудились мы, были молодцами,
А после время «дембеля» к обоим нам пришло.

На «дембеле», понятно, говорили речи
И совет давали депо не забывать,
Наша жизнь, конечно, свои законы мечет,
Но мы депо обязаны любить, как любят мать.

Как-никак, по сорок лет мы депо отдали,
Где каждый человек в нем нам и друг, и брат,
Мы в депо трудились, на гуще не гадали,
Каждый оттого из нас был дружбою богат.

Сорок лет мы каждому крепко руку жали,
В трудную минуту были тут как тут,
Коллективно деповской огород копали,
А молодь провожали в ихний институт.

Так вот сорок лет наша жизнь катилась,
Деповчане были как одна семья,
У нас женкой даже дети появились,
Отчего героями были женка, я.

Рос наш сын, учился, тут аттестат вручили,
А потом и армия для него поспела.
Конечно, как положено, мы сына проводили
И жили своей жизнью, своим кровным делом.

А делом этим было в депо работа наша,
Какая нам отраду и даже жизнь давала,
Иной жизни с женкой мы не желали краше,
Она нас с женкой даже на «дембель» провожала.

До «дембеля» красивого я тепловозы ладил,
Слесарил их ударно аж все пятнадцать лет,
Усталости не ведал, машины крепко шарил,
Оттого и вышел, может, из меня поэт.

А двадцать пять годочков в снабжении крутился,
Поставляя для депо все, чем можно жить,
У страны и у людей мудрости учился,
Этим остается мне и нынче дорожить.

«Дембель», дорогие, то старческие будни,
У женки неизменные каши да борщи,
Меня так петухи спозаранку будят
И нарочно говорят: стихи в себе ищи!

Вот я и хватаю их утренней зарею,
Заряжаясь ими так на полный день,
Стихи на моем «дембеле» не есть игра с домброю,
Играть на ней я не могу, хотя, по правде, лень.

Я хватаю то, что мне жизнь диктует -
Апрельское дождевье, а то и вовсе снег,
Природа так по-своему свой натюрморт рисует,
У нее для этого свой особый бег.

Весенние потоки так дворы смывают,
Заливают гаражи и весь жилой массив,
Бывалые деревья с корнем вырывают
И валят даже памятник, который был красив.

А в потоке бурном плавали телята,
И на дно бурлящее уходили куры,
С ними уходили свиньи и цыплята,
И даже утопали коты и кошки-дуры.

Что ж, такова была весенняя разведка,
Какая бесхозность нашу усекла.
Да, она сказала: жизнь - не конфетка,
Плохо еще делаем мы свои дела.

Плотины, что мы строим, прорваны потоками,
И вода безудержно все прет перед собой,
Мы просто остаемся пред нею одиноко,
Собою же обижены и своей судьбой.

Таковы дела у нас в весеннюю распутицу,
Какая все же учит нас, как ей противостоять,
Как беречь нам каждый дом, переулок, улицу,
Чтобы не могли они в потоках утопать.

А противостоять потокам мы-таки обязаны,
Мы любую воду умеем усмирить,
Но мы к равнодушию, бывает, так привязаны,
За что нас в каталажку надо посадить.

Но за равнодушие у нас не сажают,
Им даже где-то премии исподтишка дают,
Из себя служителей они изображают
И даже славу новую для себя куют.

А все как мы о людях часто забываем,
Собою увлеченные и своей семьей,
Мы тому лишь двери усердно открываем,
Кто умеет ладить богатством и теньгой.

Но всюду у нас люди как есть холодной крови,
С бездушными поступками и черною душой,
У нас больше люду, живущего всей новью
И жаждущих, чтоб жили мы только хорошо.

Чтоб была у всех у нас высокая зарплата,
Чтоб пенсионеры не гнались за теньгой,
Чтоб у всех была квартира, дача, хата
И даже безработный не ходил нагой.

Ну, про хату ясно - удобная квартира,
Где есть канализация с горячею водой,
В стране и в целом свете без Сирии, а с миром,
И чтоб в миру не пахло военной бедой.

Нам смерти не нужны в Сирии, Иране,
Ни в Афганистане, ни в любой стране,
Только узы дружбы запишем мы в Коране,
И чтоб военных действий не было нигде.

Арабский мир сегодня бряцает винтовками,
А этот звук не может человек принять,
Газеты так мелькают с лихими заголовками,
В которых призывают по-новой воевать.

Конечно, мир не может потакать воякам,
И он не позволит развязать войну.
Может, и курсируют по миру забияки,
Какие смерть простых людей не берут в вину.

А надо бы судить их всех, да судом народным,
Чтобы прочей шантрапе было неповадно,
Свет сегодня должен жить миром благородным,
А то землянам хорошо и для людей отрадно.

27 апреля 2018 г.

Вот попался стих мне Николки Заболоцкого,
Где женка ему дарит добрую пижаму,
Жил Заболоцкий в годы Владимира Высоцкого,
Какого доставали и любовь, и слава.

А в Заболоцкого страна вбивала свои клинья,
Его на пятерик она в тюрюгу засадила,
Чем перед страной был поэт повинный,
Знает тех времен лишь сталинская сила.

А поэт на это никак не реагировал,
Посколь перед страной он не был виноват,

Он по стране своими стихами фигурировал,
Ему любой колхозник был друг его и брат.

А он к тому ж любил свою страну и небо,
Он рад, что у него есть дружная семья,
Он врагом страны и народа не был,
Потому и говорил стране: здравствую и я!

Как здравствует в миру его страна родная,
Недавно одержавшая над врагом Победу,
Жизнь послевоенная у страны другая,
Герои так рождались от земли до неба.

Целина рождала так собственных героев,
Какие покоряли и голубое небо,
Страна не знала тишины, не ведала застоя,
Она жила мечтами, подвигом и хлебом.

Целина так славилась героями труда,
Она богатый хлеб всей земле давала,
Она возводила поселки, города
И устали страны родной отродясь не знала.

Устали не знаю я, читая всех поэтов,
Того же Заболоцкого и того ж Есенина,
В своих стихах не раз я говорил об этом,
Что было мне судьбою и женою велено.

Ну, а женка у меня первый мой редактор,
Как-никак, а первый стих попадает к ней,
Я первый у нее ее любимый автор,
Который видит жизнь под солнцем без теней.

24 апреля 2018 г.

О СТАРОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Наверно, Заболоцким я нынче зачитался,
Зачитался, видимо, и прочими поэтами,
А вот за старинку я так давно не брался,
Какую гладить хочется новыми приветами.

Давно не брал я в руки далеких лет Некрасова,
Который стих про ихнюю «железку» написал,
Железную дорогу он в стихе не красил,
О ней сказал он правду, какую свет не знал.

Свет не знал, как строилась железная дорога,
Какая пролежала от Москвы до Петербурга,
Дорога эта придала всей стране тревоги,
Но все ж Россия сделала для себя услугу.

Тогда еще в России машины не рождались,
Отчего дорога строилась вручную,
Рабочие в лопату да в тачку упиралась
И замертво валились в темноту ночную.

Сон для мужика и правда был мертвецким,
Но утром эта стройка начиналась снова,
Только лишь десятники смотрелись молодецки -
Командовать рабочими им было не ново.

А труд на «железке» не щадил рабочего,
Который от усталости ну просто помирал,
Десятники о людях не слишком озабочены,
Такое указание дал ихний генерал.

А рабочий спину гнул киркой с лопатой,
Он каменную землю промерзшую долбил,

Но за адский труд не получал зарплату,
Поскольку царь не очень мужиков любил.

А мужику взамен всего выкатывали бочку,
Полную янтарного русского вина,
Разливальщик в куцей латаной сорочке
Наливал всем кружки от краев до дна.

Такое и заметил поэт в стихотворении,
Видывал такое он вживую, наяву,
Читатель так узрел свое удовлетворение,
Благодаря поэта за его главу.

В той главе Некрасов попутчику рассказывал,
Во что эта дорога народу обошлась,
Строилась она частями, а не сразу,
И только через годы «железка» родилась.

Были в ней дороженьки широкие и узкие,
Столбики, мосточки и целые мосты,
А по бокам-то косточки и могилки русские,
Какие где-то впалые, какие и круты.

Поэт нам дал картину мертвецов бегущих,
Какие на «железке» смерть свою нашли,
Россия не осталась страной отстающей,
Теперь она не катит по грязи и в пыли.

А было ведь такое в петровскую годину,
Когда в столицу ездили на тройке боевой,
Какая собой ладила русскую картину,
Где думалось ногами, а не головой.

Ну, а после время думать заставляло:
Изобрели «железку» и тот же паровоз,

Наука и Россию собою доставала,
Вот первый паровоз как раз людей в Москву повез.

Символично было, что поэт заметил
Вдоль рельсовой дороги бегущих мертвецов,
У каких «железка» была на примете,
Имевшая отменное русское лицо.

Мертвецы бежали и свету говорили:
Труд наш на железной дороге не пропал,
Мы свой труд России и небу подарили -
Был у нас когда-то трудовой накал.

Что ж, за труд тогда подрядчики вкатили
Бочку незабвенного русского вина,
Было ли такое, но люди говорили,
Что бочку ту распили от краев до дна.

Может быть, и правда начальство откупилось
От простых, изогнутых и бедных мужиков,
Говорят, и правда такое раз случилось,
Посколь мужик опутан был охапкою оков.

Закончить мне хотелось бы некрасовскими строчками:
«Когда катили бочку, народ кричал «ура»...
Здесь, друзья, наверно, я и поставлю точку,
Поскольку засиделся я до самого утра.

А чего кричал народ? От радости, наверно,
Тут ленивый даже устоять не мог,
А все как был он труженик боевой, примерный,
Кому мог позавидовать даже истый Бог.

Ну, пусть Боже правит у себя на небе,
А на земле так правят господа и царь,

Поэт тогда с народом и у бочки не был,
Но он все же вспомнил ту былую старь.

Поэту тех времен мы и теперь поверили:
Железная дорога и бочка все же были,
О том тогда не пели ни гусли и ни трели,
Но мужики и правда в могилу уходили.

А все как туда гнали голод и работа,
Работа непосильная для жизни человека,
Какой для выживания искал свои заботы,
Подмеченные нацией, поэтами и веком.

25 апреля 2018 г.

* * *

У меня на сердце всегда поются песни,
Когда расцветает любовь моя - сирень,
Этим песням просто в моем сердце тесно,
И я иду к сирени в фуражке набекрень.

Весенний день гуляет, сирень целует солнце,
А я у сирени на лавочке сижу.
Сиренью любоваться из моего окна?
Да я о ней лишь правду людям расскажу.

Было мне когда-то только лишь пятнадцать.
Тогда вот у окошка сирень я посадил,
По юности мне нравилось ею заниматься,
С годами я с сиренью рос, взрослел и жил.

А потом от скуки я посадил черемуху,
Какая у окошка давала свою тень,
Дуэтом они вместе напевали шорохи,
Я ими любовался, выйдя за плетень.

Ну как, друзья, скажите, не любоваться небом,
Сиренью и черемухой, что в детстве посадил?
Ах, столько лет я рядом не сидел и не был,
Хотя я вместе с ними рос, вырослел и жил...

28 апреля 2018 г.

* * *

На Абая улице расцвела черемуха,
А на Кыздарбекова расцвела сирень,
Вечеру в поселке поутихли шорохи,
Не шумят деревья и не скрипнет дверь.

От трудов поселок тихо успокоился,
Машины свое место в гараже нашли,
Солнце за горою к горизонту клонится,
Только молодые на улицы пошли.

У молодых, как водится, сердце молодое,
Им покой и отдых вовсе не нужны,
А сердце так и вовсе трепетно-живое,
Какому поцелуи да любовь важны.

А в закат вечерний молодежь встречается,
Это их природа и жизненный процесс,
Оттого, наверно, и жизнь не кончается -
В том есть сила жизни и мира интерес.

В Агадыре и правда зацвела черемуха,
Тут же распустилась и белая сирень,
У кого-то желтые расцвели подсолнухи,
Это наша жизнь и наш новый день.

29 апреля 2018 г.

* * *

Нынче я чего-то вечорки вспоминаю -
Ну, те, что были в наши восемнадцать лет,
Нынешнее время их теперь не знает,
А их помнить может разве что поэт.

На вечорках этих гармонь судьбу играла,
Молодежь сходилась и пела до утра,
Гармонь к себе любого манила и скликала,
Такая в наши годы была для них муштра.

Я как гармонист в долгу не оставался:
Шарил на баяне веселую гульбу,
В молодежный круг в пляс со всеми рвался,
Посылая игрокам душевность и хвальбу.

Да, те годы нынче только вспоминаются,
Нынче тех гулянок и вечорок нет,
У меня они лишь в строчках отражаются,
Поскольку на стихи свои их положил поэт.

Что в стихах тех родилось - думаю, гадаю,
Где-то что-то песнею душевной отдает,
Может, тут специалист на чем-нибудь сыграет,
Только у меня мотив к песне не идет.

А все как я, друзья, совсем не Исаковский,
Его песни знает и поет весь свет,
Я для песен вообще тугодум, не свойский,
Поскольку я всего лишь стихоплет, а не большой поэт.

28 апреля 2018 г.

* * *

В нашем поселке огни не погашены,
 Что и заметил поэт,
 Окна повсюду цветами украшены,
 Чего у других нет и нет.

В нашем поселке эпохи такая -
 Люди к гармонии идут,
 Песней хорошей себя согревают
 И тихо до зорьки поют.

Вместе с зарею до дому расходятся,
 Когда уж поют петухи,
 А у хозяек коровушки доятся,
 А кто-то слагает стихи.

В поселке с зарею народ просыпается
 И на работу спешит,
 От песни работа всегда покоряется,
 Ей отдано пламя души.

В вечер так гармони снова скликают,
 Все тот же у них перезвон,
 Только с зарею гармони смолкают -
 Таков здесь извечный закон.

Поселок у нас - наша жизнь и счастье,
 Раскинулся он во всю ширь,
 Пусть обойдут все земные ненастья
 Мой дорогой Агадырь.

29 апреля 2018 г.

ПЕРВОМАЙСКИЕ СТРАНИЦЫ

Сегодня Первомай - праздник всем известный,
 В годы нашей юности он просто нас растил,
 Был для нас он сытным и просто интересным,
 Первомаем каждый, как Победой, жил.

Ах, как на этот праздник люди одевались!
 Самое все лучшее из сундука несли,
 Девушки так в лучшие платья наряжались,
 А мужики костюмы так на ветру трясли.

Конечно, брали в руки какие-то плакаты,
 А то и всем известный российский красный флаг,
 На флажки и шарики тратили зарплату,
 И каждый не иначе был как разудалый маг.

Нынче, в восемнадцатом, Первомай - не радость,
 Я это наблюдаю в своем Агадыре,
 Все отчего-то мрачные, им Первомай не радость,
 Себя они считают игрушками в игре.

Не было, как прежде, людского столкновения,
 Были только школьники в жиденьком строю,
 Отчего пришел я к старческому мнению:
 Век нынешний теряет старую семью.

А старая семья - то сплошь пенсионеры,
 Какие жизнь нелегкую, но все-таки прошли,
 Были комсомольцами, а прежде пионерами,
 А за комсомольцами так по жизни шли.

На Первомае нынче в круг не собираются
И даже стопку бывшую обходят стороной,
Как бывало прежде, друг с другом не общаются,
Первомай для них сегодня просто не родной.

А старому обычаю можно позавидовать.
Мы праздники любили, как Родину свою,
Мы в праздники готовились последним поделиться
И в гости пригласить так целую семью.

Нет, нынче мы не те, мы дружбой обеднели,
Даже Первомай лихой не может нас сплотить,
Раньше друг у друга мы плясали, пили, ели,
А теперь нам хочется лишь с тишиной побыть.

Нам хочется сегодня за теньгой гоняться,
Чем ее побольше, тем и мы сильнее,
Век нынче лишь хлопочет нам с теньгой общаться,
Потому мы просто и кланяемся ей.

А чего не кланяться, коль с теньгой ты шишка,
У тебя машина и дом в два этажа?
Был ты у государства передовой братишка
И героем числился не для куража.

Был ты большим начальником в своей большой системе,
Ну, коль ты начальник, то и взятки брал,
Брал по незаметной, потаенной схеме,
А взамен, конечно, хоть что-то отдавал.

Скажем, была должность, а это есть богатство,
За какое ты, дружбан, по миру колесишь,
Тебе до фени дружба и людское братство,
Ты знаешь свое дело и в целом, знаешь жизнь.

Ты начал на город свой и на свою страну,
Ты живешь в чужой стране простым анахоретом,
Когда-то знал ты партию и даже целину,
Какая тебя сделала в своей стране поэтом.

А в чужой стране ты, дорогой, по сути трын-трава,
Есть у тебя деньжата, но ты в стране букашка,
У тебя, как видит свет, седая голова,
И ты стране не нужен, как старая бумажка.

Скажем, ты в Америке на авеню прописан,
Дома так светился ты и даже слыл поэтом,
А здесь тебя считают посторонней кисой,
Хотя не говорят тебе в открытую об этом.

Мы поэтов наших как-то почитаем,
А коль они на Западе - мы про них забыли,
Неведомо, какую роль они собой играли,
Только мы забыли, что в свете они были.

Нет, нам бы Исаковского помнить стих далекий,
Россия для которого родная мать-страна,
Он у себя в России никак не одинокий,
Ему страна чужая и даром не нужна.

Не нужны нам берега в турецком обрамлении,
И Африка, по сути, нам тоже не нужна,
У нас к чужим границам нет русского стремления,
Нам дорога и ценна лишь российская страна.

1-2 мая 2018 г.

О НАШЕМ ХЛЕБЕ

Гляжу на казахстанцев: ах, как они одеты!
А молодежь повсюду с мобильником в руках,
Парни знают жизнь - не курят сигареты,
Знают свое дело, не бродят в облаках.

Прежде так бывало: Москве мы подчинялись,
Чтили ее заповедь и ее закон
И за институтами по Москве гонялись,
А кто-то на вокзальный так уходил перрон.

Ну, а с него, конечно, шли твои дороги
В свой малый городишко, в родной свой Казахстан,
Конечно, занимали заботы и тревоги
За недружелюбность чужих далеких стран.

Ах, то все было, было в старые годочки,
Когда на белом свете был большой Союз,
В каком росли повсюду сыновья и дочки
И оставался кровным свой казахстанский вуз.

Конечно, все мы были когда-то в комсомоле,
А комсомол для партии - передовой отряд,
Комсомольцы строили Комсомольск, шли в поле,
Каждый стать стахановцем для страны был рад.

Был он где придется - и на целинных стройках,
В шахте, на заводе и на БАМе был,
Комсомол считался передовым народом,
Он даже возле космоса кружиться не забыл.

Отважным комсомольцем и я оказался,
По призыву партии на целину погнал,
Передовой на целине я тракторист считался,
Поскольку целину я эту так аховски пахал.

Теперь, когда целинный век остался лишь в истории,
Наши пашни и поля рожают тот же хлеб,
Хлеб рождается на всей казахской акватории,
Говорят, вкуснее нашего в мире хлеба нет.

Как-никак, а пахнет он все той же целиною,
Какую полета лет назад Казахстан родил,
Она сегодня, правда, забыта всей страной,
Но целине мы отдали судьбу и много сил.

Нынче казахстанцы снова с большим хлебом,
А все как наши пашни помнят целину,
Хоть хлебороб сегодня на целинке не был,
Он хлебом добрым славит Казахстан-страну.

2 мая 2018 г.

ПОЮ ИСАКОВСКОГО

Мне Исаковский нынче просто часто снится,
Снятся его книги и прежде песни в них.
Ах, мне б такие песни слагать научиться,
Я точно возродился бы, как давешний жених.

Ну как не восхититься хотя бы только этим,
Как солдат вернулся с Победой домой,
Но его не встретили дружеским приветом,
Поскольку он увидел дом изрытый свой.

А все как тут фашисты его спалили хату,
Заодно сгубили всю его семью...
Поэт спросил у времени: куда идти солдату
И кому ему нести печаль и боль свою?

Печаль и боль солдату тихо подсказали,
Что есть у перекрестка заросший бугорок,
Который годы долгие не зрели, не искали,
Поскольку просто некому - солдат понять то смог.

Теперь же он один в свое село вернулся
И могильный холмик своей жены нашел,
Он памятью в года с Прасковьей окунулся,
Было с ней когда-то все очень хорошо.

Работали в колхозе и детей растили,
А тут, как снег, нагрянула проклятая война,
Солдата, как положено, под ножницы подстригли,
И на войну послала родная мать-страна.

Бил солдат фашиста все четыре года
У себя на родине и в чужих краях,
Освобождал от нечисти разные народы
И в самом Берлине фашизму сделал швах.

Домой солдат вернулся, хотя не раз прошел
Польшу с Югославией, а прежде защищал
Свой кровный город Брест.
За подвиги солдата награждали, славили
И медаль вручили за город Будапешт.

Домой солдат вернулся - не дом, а одни комья,
А на перекрестке могильный бугорок.
Солдат так понял: в нем лежит его Прасковья,
И он в печали развязал свой тощий узелок.

Он говорил Прасковье тихо:
«Прости, что я такой,
Хотел вот выпить за здоровье,
А пришлось за упокой.

Война, конечно, не игрушка,
Не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Сказать такое может разве только гений,
Я так соображаю, и это не секрет,
Я перед поэтом встал бы на колени
И в глаза сказал бы: «Ты большой поэт!

Песни разной масти лишь тебе даются,
До тебя свет белый их сроду не писал,
Они и сегодня всюду раздаются,
Поскольку ты живой огонь в них сердцем разбросал».

Мечтал бы я такое тоже сотворить,
Но к песням я дубина и, как ишак, тупой,
О песнях я с любовью могу лишь говорить
И шагать лишь взглядом исаковского тропой.

Ну как не вспомнить песню про очи, очи карие
И про мой любимый и родимый край,
Когда тобою пройдены и Вена, и Болгария,
И позади остались Висла да Дунай?

Конечно, где-то снятся очи, очи карие,
Девичья улыбка, ее звонкий смех,
Хоть и было это в приветливой Болгарии,
Но Россия, братец, все же лучше всех.

Она близка, конечно, поэту Исаковскому,
Он прошел немало экзотичных стран,
Но он оставался жителем московским,
А мне так больше дорог мой славный Казахстан.

Мне правда очень дороги смуглые их лица,
Угольные волосы и цвет красивых глаз,
Где-то чуть прищуренных и с тайною страницей,
Какую не прочтешь сразу и зараз.

А сколь у казахстанцев доброты душевной,
Это европейцу просто не понять,
Он к старикам относится с нежностью волшебной,
Готовый им последнее от себя отдать,

А главное, мы все же наследники Абая,
Нам дороги свобода и дружба всех людей,
Мы свою историю как молитву знаем,
Мы молимся Аллаху, чтоб не быть беде.

Чтоб не было войны на земной планете,
Чтоб люди жили в дружбе, как одна семья,
Чтоб у них повсюду было много света
И чтобы счастьем славились абайские края.

5 мая 2018 г.

МЫ ПОМНИМ ЭТОТ ДЕНЬ...

Почему-то помнится старый День печати,
Который отмечал наш большой Союз,
Делали доклады поэты и писатели,
Журналисты тоже несли свой тяжкий груз.

Говорили, что печать всегда была с народом,
Она о нем писала, она с ним и жила,
Печать была особой писательской природой,
Она большую жизнь всей стране дала.

И не только ей, а люду мировому,
Ведь печать несла в себе все мировые вести,
Она была доступна жителю любому
Будь он в одиночестве или с народом вместе.

Конечно, были Пушкин, Лермонтов, Тургенев,
Шолохов, Фадеев и ряд других поэтов,
Кто-то стал писателем, а кто-то даже гений,
Сама печать по-своему крутилась в белом свете.

Низами сказал о всей литературе,
Что печать является наследником культуры:
«Слава мастеру слов! И умен, и упорен,
Он алмазы творит из чуть видимых зерен».

Шекспир так между прочим ценил литературу,
Он служил искусству, он служил культуре:
«Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память имена
Бегущие столетья не сотрут».

Горький крепко чтит связь кровную с народом,
Что давало силу всей литературе,
Печать свою имеет кровную природу,
Какая дает силу книгам и культуре.

Литература органически является основой
Писательского дела и всей печати в целом,
Она бывает часто совершенно новой,
Поскольку занимается большим печатным делом.

5 мая 2018 г.

СКАЖИ МНЕ, ДОРОГОЙ...

Скажи мне, дорогой, добрый мой читатель,
Как не читать Твардовского такие огоньки,
Когда поэт бывалый, а может, и мечтатель
Увидел круг гуляющих у своей реки?

А в кругу гуляющих резвились парни ладные,
С ними так резвились и огонь-платки,
Гармонист меха свои растягивал складные,
Отчего пускались в пляс даже старики.

А чего в кругу стоять дубиной без движения?
Хоть мы прокладки еще той, но в нас поет душа,
У пенсионера наших дней такое положение,
Что жизнь для него теперь как песня хороша.

Пенсия по всей стране толстеет и толстеет,
На нее ты можешь даже «Мерседес» купить,
Ну, а кто, как свет-Мавроди, жить в миру умеет,
Он, по сути, сможет и сто лет прожить.

Песня у реки летит крылатой птицей,
Тут где-то шебаршилась и моя семья,
Были здесь знакомые, веселые все лица,
А значит, тут со мной была вся родина моя.

Творил поэт Твардовский свои произведения
Как бы не с четырнадцати юношеских лет.
Его встречал с любовью поэт Исаковский,
Он понял — это будущий советский наш поэт.

А поэт так этот издал «Страну Муравию»
Всего в каких-то двадцать иль двадцать восемь лет,
Колхозное движение любил он, не оспаривал
И даже посылал ему свой пламенный привет.

«Муравию» читатели встретили в объятия,
А все как в ней крутился необычный мир,
Колхозники так приняли колхозы по понятию,
Может, оттого и вождь страны был их большой кумир.

Военная тематика жила в душе поэта,
Потому, наверно, он и «Теркина» писал,
Он Теркина любил и говорил об этом,
А Теркин жизнь так любил, что под гармонь плясал.

Да, учиться мне потребно у таких поэтов,
Но только, дорогие, мне восемьдесят лет,
Мне как-то говорили в издательстве об этом,
Но я так и остался непризнанный поэт.

6 мая 2018 г.

* * *

Много раз я хватал Исаковского
И подряд его строки читал.
Неужель вы, поэты московские,
Такой ценный в стране капитал?

Вот попал в руки томик Твардовского,
В каком ровно полтыщи страниц,
Какой знал и любил Исаковского
И целый ряд поэтических лиц.

У Твардовского читаю: «Дорога полевая
Ведет неведомо куда,
Над полем низко провисая,
Лениво стонут провода».

Ну, дорога эта и провода висячие
Пролегли над полем, где густая рожь,

Дни жатвы начинались самые горячие,
Какие хлебопашца бросали просто в дрожь.

Как же, колос тучный, точно начиненный,
А по виду просто, ну просто золотой!
Вот для него и надо заказывать вагоны,
Какие пока кажутся надеждой и мечтой.

Мечта хлебороба как есть осуществится:
Вагоны подадут, и в них засыпят хлеб,
Хлеб в вагонах прямиком по стране помчится
И ляжет свежей булкой на праздничный обед.

Такое видел во поле светлый глаз поэта,
Какому я за это низко поклонюсь,
Поскольку и я тоже картину видел эту,
За здоровье ж хлебороба так даже помолюсь.

Такое мною видано в целинную годину,
В те годы я поэтикой ее вовсю пахал,
Тогда в свои семнадцать надрывал я спину
И даже после этого никак не отдыхал.

А какой тут отдых, коль тебе семнадцать,
Ты ярый комсомолец и целины тут цвет?
В целинный век и стал я собою заниматься,
Видно, в нем и вышел из меня поэт.

МОЯ ПЛАНЕТА

До Исаковского с Твардовским мне как свинье до неба,
Их дара поэтического мне сроду не видать,
В их творческой качели отродясь я не был,
Посколь их жизнь хотелось бы хоть глазом повидать.

Но я-то, черт возьми, живу в другое время,
Я своей эпохой и временем живу,
У нее другое творческое семя,
Какое жизнь видит на другом плаву.

Наш жизненный корабль по-своему качается,
СССР а бывшего теперь в помине нет,
Каждая республика с границы начинается,
И таможня каждая свой отдает привет.

Лечение с обучением стали только платными,
Нет деньжонок у тебя - так запишись в бомжи,
Где тебя оденут в кисею с заплатою
И скажут: свои пальцы от голода лижи!

Говорят, и правда было и такое,
Когда бомж от голода помойки навещал,
Бывало, находил что-то и съестное,
Отчего бывать здесь себе и обещал.

Как бы жизнь моя по свету ни катилась,
Поэтом я останусь таким, какой я есть,
Моя звезда поэта ни разу не светилась,
Но во мне остались моя звезда и честь.

Они так мне диктуют поэтом оставаться,
Пусть будет не Есениным и не Исаковским,
Еще они советуют за поэму взяться,
Какая пусть всплывает к читателю по-свойски.

Не ведаю, как греть себя на стихи и прозу,
Меня с восьмидесяткой так обойдут они,
Из себя я выну, выжгу всякую занозу
И дам себе команду: не тормози, товарищ,
А лучше сникерсни!

Вот к стихам и к прозе все тормоза в колхозе,
А мне лишь остается отыскивать средь,
Как поэт я остаюсь в собственном дозоре,
И свою планету я все-таки найду.

ЗНАТНЫЙ ДЕНЬ

Сегодня День защитника нашего Отечества,
Празднике Казахстане довольно-таки новый,
Прежде, как известно всему человечеству,
Был просто День Победы - о прежних днях суровых.

На День Победы, правда, об этом говорили:
Суровые и долгие были дни войны,
Фашистов, как ни есть, повсюду мы громили,
Защищая мужество и честь родной страны.

Били мы фашистов под Москвой и Курском,
Били где придется, а больше в Сталинграде,
Били в Севастополе, на перешейке узком,
И позже дали жару в голодном Ленинграде.

Ну, а в предпобедном тогдашнем сорок пятом
Мы фашистов били вдоль и поперек
В Польше да в Болгарии, в Германии проклятой
И ступили даже на рейхстаговский порог.

Ну, Рейхстаг - так это будто Кремль столицы,
Своеобразный центр тогдашнего Берлина,
В нем тогда сидели воинствующие лица,
Какие наша армия как врагов пленила.

Воинствующие лица войной руководили,
От какой погибло множество людей,

Какие до фашистов красиво, мирно жили
И о человеческой не думали беде.

Что ж, воинствующий вермахт рядили и судили
Самым настоящим мировым судом,
Всех их, между прочим, к смертям приговорили,
Так что их могилой стал их берлинский дом.

Мы семь десятков лет как празднуем Победу,
День защитника Отечества - такой же яркий день,
Празднует его и молодежь, и деды,
И радуется даже под окном сирень.

7 мая 2018 г.

ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ...

Ну, конечно, братцы, он порохом пропах,
Сегодня говорит об этом даже песня,
Его со слезами встречают на глазах -
Памяти и песне не бывает тесно.

Сегодня мы, потомки наших дней бывалых,
Наш майский День Победы торжественно встречаем,
В боях тех лет далеких мы сроду не бывали,
Но истинных героев мы сердцем почитаем.

Мы знаем, как героем стал Матросов Александр,
Который своей грудью пулемет накрыл,
Эпизод нам показал цветной киношный кадр,
Зритель и артиста в кадре полюбил.

Артиста, что играл там бойца тех лет Матросова,
Какому тогда было всего лишь двадцать лет,

Какой еще не ведал, как курят папиросы
И что наша юность таит в себе секрет.

Ну, а тут война со всех сторон нагрянула,
Ну, а двадцать лет - тут возраст призывной,
Мирный труд, любовь и все надежды канули,
А приказ солдату был жить боем и войной.

И жили все и сердцем смерти принимали,
Какие приносили те самые бои,
Конечно, мы на смерти смертью отвечали
И, конечно, жизни берегли свои.

Не бросались в бой бездумно, как попало,
Рассчитывали каждый свой победный шаг,
У солдат у каждого живая жизнь играла,
Но он четко видел - пред ним фашистский враг.

Враг, какой незвано в дом твой появился,
Себя считал хозяином на твоей земле,
Конечно, ты по-своему с ним боролся, бился
И хотел всех видеть в пленительном котле.

Хоть врага нечасто пленить нам удавалось,
Но в старом Сталинграде фашистов мы разбили,
Мы их гнали с Волги, им вообще досталось,
А ведущих главарей и вовсе мы пленили.

Большого генерала так посадили в клетку
И как преступный элемент увезли в Москву,
Неведомо, какую дала она конфетку,
Только Сталинградский фронт внес свою главу.

После Сталинграда фашисты протрезвели,
Их стали бить ударно вдоль и поперек,

Одни сдавались в лен, другие стервенели,
Но их беспощадно бил советский паренек.

Таким и оказался простой боец Матросов,
Которого фашистский дот никак не напугал,
Он видел, как из дота огонь всех наших косит,
Но нечем у нас было сшибить этот накал.

Простоя пушка сделала бы из дота просто яму,
Но у нашей роты не было той пушки,
А высота с дотом была объектом главным -
На войне высоты тоже не игрушки.

А дот так и косил пространство пулеметом,
А за высотой немцы наращивали силы,
Угробить бы тот дот из наших самолетов,
Но самолеты тоже в других краях носило.

А боец Матросов как раз подполз к высоте
И своей грудью накрепко пулемет накрыл,
С головы слетела солдатская пилотка,
Но путь наступавшим солдатам он открыл.

Солдаты нашей роты бились беспредельно,
Немцев разгромили в тот же миг и час,
Конечно, о Матросове был разговор отдельный -
Герои нашей Родины радовали нас.

Героем так явился и Николай Гастелло,
Наш Нуркен Абдиров и Момыш-улы,
Время той войны мы вспоминаем смело,
А нынче просто боремся, чтоб не было войны.

А День Победы наступил - это память павшим,
Это память времени в той большой войне,

Это дань и память всем людям, пострадавшим
В мировом пространстве и в моей стране.

Батяка мой родился, жил в нашем Казахстане,
В области Акмолинской близ Кургальджино,
Как батяка воевал, говорить не стану,
Только вместе с танком он ушел на дно.

Как говорили письма, была то переправа
Днепровский перешеек, заросший камышами...
Погибшим мы сегодня отдаем лишь славу,
Память в нашем сердце всегда будет с нами.

9 мая 2018 г.

Содержание

ЧАСТЬ 1 НА ЕСЕНИНСКОЙ ВОЛНЕ

ЧТО-ТО О СЕБЕ.....	4
ПОЭТИЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ.....	6

ЕСЕНИНСКИЕ МОТИВЫ

КОРОВА.....	18
ПИСЬМО СЕСТРЕ.....	19
ПЕРВОЕ МАЯ.....	24
ВЕСНА.....	25
МАТЕРИНСКИЕ ПОМИНОВЕНИЯ.....	28
ПИСЬМО ЖЕНЩИНЕ.....	33
РУСЬ УХОДЯЩАЯ.....	35
РУСЬ СОВЕТСКАЯ.....	38
СЕСТРЕ ЛИДИИ.....	42
ЧТО БЫЛО, ЧТО ЕСТЬ.....	49
ВЕСЕННИЕ ЗАВИХРЕНИЯ.....	53
ИНТЕРНЕТОВСКИЕ МОТИВЫ.....	55
НА ЕСЕНИНСКОЙ ТРОПЕ.....	58
НА ЕСЕНИНСКОЙ ВОЛНЕ.....	64
ВДВОЕМ С ЕСЕНИНЫМ.....	71
ЗАВИДУЮ Я ЕСЕНИНУ.....	74
ЕСЕНИНСКАЯ ВЕСНА.....	77
БЕРУ У ЕСЕНИНА.....	79
ЕСЕНИНСКИЕ НАПЕВЫ.....	82

ЕСЕНИНСКАЯ ВЕСНА.....	86
МОЙ ПРАЗДНИЧНЫЙ ЗАСКОК.....	87
ЕСЕНИНСКИЕ РАССТАВАНИЯ.....	90
И СНОВА ЕСЕНИН СО МНОЙ.....	93

ЧАСТЬ 2

СТИХИ, СТИХИ, ГДЕ ВАША СЛАДОСТЬ?

О «ПЕНСИОННОЙ ГАЗЕТЕ».....	98
О МОЕМ ВАСЬКЕ.....	101
МОБИЛЬНИЦКАЯ СИМФОНИЯ.....	104
ПОКЛОН «КЛАССИКУ».....	107
ВОСЬМИМАРТОВСКИЕ ПОВЕТРИЯ.....	46
О НАС И ЧАСТНИКЕ.....	124
АПРЕЛЬСКИЕ ЗАСКОКИ.....	127
О ВОЙНЕ И МИРЕ.....	128
О СТАРОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ.....	134
ПЕРВОМАЙСКИЕ СТРАНИЦЫ.....	141
О НАШЕМ ХЛЕБЕ.....	144
ПОЮ ИСАКОВСКОГО.....	145
МЫ ПОМНИМ ЭТОТ ДЕНЬ.....	148
СКАЖИ МНЕ, ДОРОГОЙ.....	150
МОЯ ПЛАНЕТА.....	152
ЗНАТНЫЙ ДЕНЬ.....	154
ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ.....	155